

Гай Юлий Орловский

Рицц@лус

Длинные Руки

Из современной Москвы
очутится в средневековой
Европе, где странствующие
рыцари, драконы, принцессы,
колдуны, маги, таинственные
замки, где подвалы хранят
тайны и сокровища, —
выживет ли наш герой?
Особенно если учесть, что
окажется не графом,
князем или королем,
а обычным
простолудином?

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки

«ЭКСМО»

2001

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2001 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-11833-5

Из современной Москвы очутиться в средневековой Европе, где странствующие рыцари, драконы, принцессы, колдуны, маги, таинственные замки, где подвалы хранят тайны и сокровища – выживет ли наш герой? Особенно, если учесть, что окажется не графом, князем или королем, а обычным простолюдином?

ISBN 978-5-699-11833-5

© Орловский Г. Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Гай Юлий Орловский
Ричард Длинные Руки

Глава 1

На экране сменялись разбитые вдребезги машины, окровавленные тела. Очень сексуальная телеведущая, умело накрашенная, с рекордно вздернутыми тончайшими арками бровей, что слегка отличало от таких же сексапильных стандартных куколок, строгим голосом, что делало ее еще сексуальнее, перечисляла тех, кто не успел затормозить, рассказывала, кто как врезался, сколько из разбитых машин вытащили убитых насмерть, а кто склеил ласты по дороге в больницу.

Иногда машина с операторами успевала раньше, чем спасатели. На широком экране с разверткой в сто мегагерц очень хороши все эти сцены с выламыванием дверей, а четыре колонки с изумительной звуковой платой от «Sauron» передают все оттенки скрежещущего раздираемого металла, стоны и предсмертные хрипы. Операторы лезут друг другу на головы, стараясь не пропустить кадр, сейчас в СМИ конкуренция, вон шикарный кадр, где в машине мужик завалился на руль, баранкой вогнуло грудь, а женщину на соседнем сиденье после удара о лобовую панель отбросило обратно. Она с запрокинутой головой и лицом в крови, жутко сломан нос и нижняя челюсть, левая щека распорота острым так, что прямо из щеки в кровавую щель выглядывают изломанные зубы.

– Фарфоровые, – заметила Алина.

– Металлокерамика, – возразил Анатолий. Вспомнил, что обещал с Алиной больше не спорить, себе дороже, поспешно согласился: – А может, и фарфоровые. Во всяком случае, не натуральные. Слишком ровные и белые.

– Стеклопластика, – сказал Владимир, он лениво наблюдал из дальнего кресла. – Теперь это модно.

– Просто дешевле!

– Но и модно, – не согласился Владимир, но с Алиной спорить – гнилое дело, тут же спросил с повышенным интересом: – Чем это ей щеку так?

– Подставкой для мобильного, – сообщил Анатолий. – Они щас с голоса, руками лапают только лохи.

Проскрежетало, будто огромным ножом по стеклу: на экране двое крепких мужиков вскрывают искореженную машину, как консервную банку. За дверцу зацепили крюком, трос натянулся, народ разбежался, только мужественный оператор отступил всего на шаг. То ли фанат профессии, такие ради кадра лезут и под бомбы, то ли по опыту знает, что ни трос не сорвется, ни дверью не достанет.

Затрещало, хряснуло. Отвратительный скрежет, дверца аккуратно отогнулась. Двое спасателей быстро и умело вытащили водителя. Вместо лица кровавое месиво, а грудь в самом деле пробита рулевой колонкой едва ли не до позвоночника. Один спасатель подал условный знак, врачи из «Скорой» продолжили курить, прислонившись к высокому боку машины.

– Ага, – сказала Алина радостно, – этого в морг!.. Спорим, что сегодня убитых будет больше, чем вчера?

– Подумаешь, – возразил Анатолий, – сегодня ж пятница!..

– Ну и что?

– Все прут за город.

– Самые умные поедут завтра утром.

– А нетерпеливых – больше, – пояснил Анатолий, – так что ничего удивительного, что сегодня убитых будет больше.

– А какой вчера дождь лупил? И асфальт скользее, чем сегодня!

Женщину вытаскивали с предосторожностями. Даже врачи отбросили сигареты и подошли ближе. Как только окровавленное тело показалось из машины, санитары переложили на носилки, бегом несли к распахнутым дверцам машины с большим красным крестом.

Тут же на экране появился перекресток Профсоюзной с Дмитрия Ульянова: три машины всмятку, одну выбросило на обочину, перевернуло. Телекамера ухватила денежный момент, когда через выбитое окно, прямо по торчащим осколкам стекла, острым, как бритвы, выбирается обезумевший человек, с окровавленным лицом, скула срезана, глазное яблоко вывалилось из раздробленной впадины и болтается на щеке.

Блеснуло, на экране появилась розовощекая кинозвезда и начала показывать, как именно использует «тампакс», и щебетать, почему предпочитает именно эту фирму. Анатолий взвыл, всегда реклама на самом интересном, схватил пульт и сердито ткнул в сторону телеэкрана. На первом канале фильм: президент фирмы трахает секретаршу, на втором – лихой ковбой заходит в незнакомый дом, просит напиться и, увидев незнакомую женщину, лезет под юбку. Понятно, тут же коитус. На третьем канале мужичок с солидным брюшком трахает племянника, на четвертом – школьник учительницу, на пятом – немецкий бургер – соседскую козу.

Анатолий фыркнул, перебрали с сексом, можно объесться и сладостями. Даже я, к современному телевидению привычный, решил, что уж очень не то: сразу же начинают бурно дышать, извиваться, страсти-мордасти, хотя на самом деле все настолько рутинно, хоть со знакомой, хоть незнакомой, что думаешь о чем угодно, только не о страстях, будто живешь отдельно от тела.

– Какая цветопередача, – сказал Анатолий с завистью. – Ты даешь! Сто мегагерц?

– И по вертикали, – сказал я, – и по горизонтали. Зря, что ли, я брал с дивидишником?

– DVD отмирает, – сообщил Анатолий. – Сейчас умельцы наловчились брать видеокассеты и перегонять в MPEG-4 на простые болванки для сидюков. В сто раз дешевле! А качество то же.

– Ну да, – возразил я, задетый за живое. – Щас тебе DVD отомрет! Оно даже не развилось как следует. Ну кому пока нужны лазерные диски на семнадцать гигабайт? Что на них записывать? Все библиотеки мира поместятся на одном...

Анатолий со вкусом начал расписывать новые возможности программ, а на экране сменялись телеканалы, мой ящик берет их две сотни, мелькают женские лица, пистолеты, бешено мчащиеся автомобили, постели, голые задницы, снова автомобили, опять задницы... Изображение настолько неотлично от реальности, что, когда неожиданно в экран плеснула морская волна, я чуть не отшатнулся.

Алина сказала торопливо:

– Давай обратно. Щас рекламная пауза кончится. Интересно, тот вылез из машины?

– Вряд ли, – сказал я. – Любовый удар...

– А почему наши не взрываются? – спросила Алина обиженно. – В американских фильмах машины всегда ба-бах! Да так красиво, будто не легковушки, а цистерны с бензином. Даже с напалмом. По несколько раз бабахают.

Анатолий торопливо щелкал, телеканалы сменялись с такой скоростью, что мы едва успевали видеть картинку.

– Давай обратно, – сказал я, как глухому.

– А какой был канал? – спросил Анатолий.

– Ну ты и лозер!

– Непривычный я, – сказал Анатолий, оправдываясь. – У меня всего двенадцать каналов. Всегда успеваю простым перебором... Черт, как неудачно! Да нет, тот мужик наверняка откинул копыта.

– Там осталась еще половина передачи, – уличила Алина.

– Нет, такую рекламу дают под конец, – сказал я. – А мужика могут спасти. Если «Скорая» успеет... А что глаз вывалился, так не вытек же. Обратно вставят. Сейчас и не то делают.

Один Борис даже не повел глазом в сторону экрана. Перед ним свой экран, в просторечии называемый то монитором, то дисплеем. А сам Борис, согнувшись в «компьютерном» кресле, с наслаждением расстреливает из бластера мечущихся по экрану полигонных монстров. На него бросались из-за каждого угла, прыгали с крыш, выскакивали из люков, расщелин, но крестик прицела находил их всюду. Иногда на экран плескало красным, это драли самого Бориса, он идет «от первого лица», и тогда его пальцы спешно тыкали в «горячую клавишу» аптечного пузырька.

Анатолий посмотрел, сказал с интересом:

– Графика обалденная. А как AI?

– Противника? – спросил Борис.

Анатолий хмыкнул.

– Не твой же! Твой на точке замерзания, знаю. Иначе занялся бы пошаговыми. А эти – для спинномозговиков.

– Сам ты... В пошаговые надо сутками, а тут побомблю минут десять, засейвлюсь и пойду спать. Или работать.

– Да ладно тебе, работник. Знаю твои работы. Покажи, какой ты с виду.

Борис с неохотой вышел в консоль, на экране появился дюжий молодец, как две капли воды похожий на молодцев с плакатов строителей коммунизма. Еще такие ехали на БАМ, а еще раньше – покорять целину. Головка крохотная, зато плечи, руки, кулаки, грудь...

– Хорош, – определил Анатолий. – Это на тебе мифриловая броня?

– Нет, – сообщил Борис гордо, – уже самого бога. Правда, какого-то мелкого, но все-таки получше мифриловой. У меня тридцать второй лэвэл!

– Ух ты... Правда, говорят, Вортекс своего прокачал до девяностого... Смотри, слева!

Борис чертыхнулся, с испугу принялся палить в белый свет. К счастью, из-за дальних кустов появился монстрик совсем слабый, Борис все-таки завалил, хотя куклой на экране руководить куда труднее, бывалые игроки предпочитают «вид из глаз». Не так красиво, зато проще в управлении.

Он переключил на привычное «от первого лица», двинулся дальше по развалинам. Я некоторое время наблюдал через плечо за сражением на экране. Графика в самом деле дивная, пришло время новой версии 3D Max, но с монстрами переборщили. Недаром все первые места в десятке самых продаваемых игр захватили сражения людей с людьми. А то и вовсе не сражения, а строительство, интриги... Лишь на девятом или десятом месте игрушки с монстрами.

– Вон слева, – подсказал Анатолий.

Крестик бластера нацелился на кусты. Монстр выскочил с ревом, огромный, как медведь на задних лапах, четыре руки, все с дубинами, идет медленно, иначе игры не будет: в ближнем бою сомнет сразу, из двух динамиков неся треск пулеметных очередей. Из груди монстра плескали красные струи, он покачивался, но двигался и двигался, в левом углу экрана медленно уменьшается синяя полоса его жизни... Борис наконец начал пятиться, продолжая стрелять, потом патроны кончились, он стрелял из двустволки, а когда расстрелял и те, выхватил пистолет... и тут уперся спиной в стену.

– Стреляй! – кровожадно завопил Анатолий. – Успеешь!

Монстр ударил, в нижнем углу красная полоса жизни Бориса сократилась на четверть. Он судорожно нажимал спусковой крючок, пули впивались прямо в морду, монстр ударил еще, еще...

– Ну!

Монстр замахнулся для последнего удара, но тут синяя полоска подошла к концу и... оборвалась. Он взревел страшно, с неба полыхнули молнии, земля затряслась. Монстр обрушился навзничь, земля дрогнула еще раз.

Борис дрожащей рукой вытер пот со лба.

– Фу, – сказал он потрясенно. – Не ожидал... Все так легко шло, что я забыл сэйвиться.

– Лозер, – сказал Анатолий со вкусом.

– Еще какой, – согласился Борис покорно. – Нет, ну какой гад, а?

– Еще бы чуть...

– Пришлось бы переигрывать почти с начала!

– То был босс уровня, – предположил Анатолий.

– Или там дальше ребята все круче и круче, – сказал Борис.

Я смотрел на монстра равнодушно. Я не фанат игр, я больше по фильмам, в них монстров строят лучше. Там такие рожи, что поначалу вздрагивал, но человек привыкает ко всему. И быстро. Особенно когда с монстрами перебор, в каждом фильме десятки. И только какие-нибудь компьютерные штучки привлекают внимание, да и то ненадолго. Словом, к монстрам привыкли настолько быстро, что фильмы с ними ушли с первых мест. Сейчас даже игры с монстрами уступили первые места симуляторам да строительным.

Алина разделась донага и сидела, раздвинув полные сочные ноги, наискось от Бориса. Тот уже засэйвился и переключился на покер, шел на огромный риск, но если удастся подобрать одну-единственную карту, то у него на руках полный стрэйт, красotka на экране вынуждена будет сбросить не только легкое платьице, но и трусики, ибо в банке уже на две раздельные позиции.

– Эй, – позвала Алина со смешком, – я здесь, не там!.. И уже без каких-то дурацких трусиков.

Борис отмахнулся, не поведя и глазом. Я посмотрел на Алину, перевел взгляд с ее сочных грудей на окно, хорошо загерметизированное, с тремя слоями глушителей, чтобы смягчить шум улицы. Хорошая подруга, но секс – это привычно и неинтересно. Все, что можно было придумать, уже перепробовали с нею, все вообще-то пресненько, а всякие острые специи вроде ревности, тайности и прочие разжигатели интереса – заботливо убраны современной моралью. А в самих отношениях новое принципиально невозможно, слишком невелик набор, все перепробовано во всех вариантах. В то же время в играх всегда есть что-то новое, как вон в «Дорожном патруле», и разбиваются все круче, и машин крошится все больше, и операторы наловчились успевать чуть ли не за миг до аварии...

У меня на харде около сотни игр, но большинство – старье. Все новое – на дисках. Сейчас выходят очень навороченные, с суперграфикой, сумасшедшей играбельностью... Я прошелся взглядом по полочкам. Теперь уже и промышленность наловчилась делать так называемые «компьютерные столы». Не ахти какое чудо, зато предусмотрены полочки под слимы, пластмассовые коробочки для лазерных дисков. И вот на двух полочках плотными рядами игры, как раньше точно так же стояли сборники поэзии, всякие булгаковы да набоковы.

Вот знаменитый Hitman, игра про наемного убийцу, вот рядом крутая игра с наворотами со спецэффектами о вампире, вон еще про вампира, а дальше про оборотня. Разница невелика, во всех трех я должен подстергать прохожих, убивать, пить кровь, а когда наберу пару уровней, смогу вырывать их сердца и пожирать, а когда стану круче, буду пожирать людей уже целиком. Все сделано эффектно, когда кровь плещет, к примеру, на стену, то не остается кровавым пятном, а медленно сползает на землю, все по законам тяготения. А жертвы вопят так, что мороз по коже. Особенно жалобно вопят младенцы, но это в первом уровне, когда еще слаб, а во втором уже начинаешь нападать на их матерей...

Да, все последние игры – о вампирах, киллерах, проститутках, оборотнях, гангстерах, ворах, извращенцах. Я недавно играл через сеть на battle.net, так вот, несмотря на все свои неплохие рефлексy, меня быстро облапошили, раздели, ограбили, выпили из меня кровь, и потом какой-то игрок затащил в камеру пыток и долго балдел, выкалывая мне глаза, отрезая язык, уши, нос, а потом вообще посадил на кол... Я сам бы, понятно, сделал с ним то же самое, но он успел раньше. Что делать, есть свободные люди, которые играют дни и ночи, настоящие виртуозы, чемпионы, а я все-таки еще и работаю. И по бабам иногда не забываю.

Алина, не дождавшись продолжения хроники, поднялась и, мощно виляя бедрами, ушла на кухню. В нашей компашке она сегодня единственная женщина. И хотя все, что умеет на кухне, мы делаем лучше, но молча и с удовольствием согласились, что коктейли и бутерброды готовить ей.

Борис шарил по всему харду, завистливо охал, хватался за сердце. Собственно, он зарабатывает не меньше моего, но у него все на баб, пьянки, на обязательный отдых на Кипре, помешались на этом Кипре... правда, туда дешевле всего, а я «лишние» деньги вкладываю в комп. И оттягиваюсь с ним. И диски у меня едва ли не все за последние три-четыре года: фильмы, энциклопедии, книги, программы, игры...

Вошла Алина, опустила на край стола поднос с тонкостенными фужерами на длинных ножках. Каждый до половины заполнен смесью вина, сока и коньяка, на ободке по ломтику лимона, только один для Бориса полон на треть, Борис в этом сноб. И его фужер без лимона.

Мы неспешно разбирали фужеры, торопиться неприлично, но и оставлять не принято. Хотя мне чудится, не только мне противно глотать эту розовую гадость, но... в этом сезоне модно именно это. А мода, как известно, рулит нами круче, чем канцелярия президента или таинственные олигархи.

Анатолий, демонстрируя свободомыслие, допил коктейль чуть быстрее, чем принято, отыскал у меня на полке пакет с чипсами, хрустит, как бурундук в сибирской тайге на высоком кедре.

Борис сделал знак подать и ему, одной рукой пошарил, не глядя, в пакете, другой двигал мышью.

– Наша беда в том, – сказал, не отводя глаз от дисплея, – что у нас притупились все чувства!

Алина спросила лениво:

– Так уж и все?

– Все не все, а самые главные – точно! Вон когда появились видики... или видаки, как правильно?... ты визжала и прыгала по всей комнате и ее окрестностям. Когда героя давили или убивали, ты орала от возмущения, а когда девку выдавали за чужака, ты ревела. Ревела, ревела!.. А сейчас смотришь и спокойно пиво хлебает, губа не дрогнет. И сердце не екает, когда героиню под каток мордой о землю...

Анатолий засмеялся.

– А эти компьютерные игры? Как ликовали, как ходили на ушах!.. Помню, когда ты резалась в DOOM, то отпрыгивала от экрана, когда вдруг выскакивал дядя с пушкой в руках. А помнишь Prince of Persia? Ты не могла в нее играть, потому что он иногда срывался в яму с кольями. Было такое? Вот-вот. А там же была простейшая двумерная игрушка с убогой графикой. А сейчас и графика в отпаде, и мощнейшие акселераторы, и кровь чуть ли не выбрызгивается с экрана на стол. И что?... Да сидим, не вздрагиваем. Даже сердце не бьется чаще. И кровавое давление не повышается. Теперь мы все сплошь гильгамеши, все выдавшие.

Борис сказал с ожесточением:

– Мы отвыкли изумляться! Да что там изумляться... Даже на сла-а-а-абенькое удивление кишка тонка. Вот сейчас влезь к нам через стену монстр ростом в два метра и с двумя головами, никто и не подумает, что стена бетонная, внутри всякие трубки да кабели, нет – любой с умным

видом скажет либо про голографию, либо компьютерные штучки... теперь все на спецэффекты валят. А то и пустятся в рассуждения про НЛО, перемещения во времени и всякую прочую лабуду. И ничья рука с фужером не дрогнет!

Анатолий ухмыльнулся.

– Коктейль больно хорош. Грешно пролить хоть каплю.

– Вот я и говорю, – сказал Борис. – О чем я говорю?.. Ах да, о неувидимости. И вообще... Увидели бы этот мир мой дедушка да бабушка, снова бы от одного расстройства в эскэйп ушли. В их мире «сексуальная женщина» – это ругательство. Как и «эротичная»... А теперь вон рекламируют, в школах на уроках учат, как быть посексапильнее...

Анатолий ухмыльнулся.

– А как насчет красоты порока? Привлекательности Зла? Дима, ты чего все молчишь?

Я развел руками.

– Куда уж мне. Говорите, вы все такие умные.

– А чего у тебя вон на полке «Цветы зла» Бодлера?

Я оглянулся.

– Правда? Не замечал. Это от родительской библиотеки крохи.

– Да какое же это зло? – возразил Борис, он совершенно не обращал внимания, что у меня кислый вид... – Любая жизнь, как знаем из учебника, – просто форма существования белковых тел. В природе вообще ни добра, ни зла, кстати, не было даже в человеческом обществе! Все придумки христианских теологов. Вспомните, разве ведали разницу между добром и злом эллины, которыми мы так восторгаемся, а их мифы издаем миллионными тиражами? Вспомните, владыка всех богов и устроитель порядка на Земле великий Зевс перетрахал всех баб, замужних и девственников, причем не видел разницы: человеком он на них лез или животной. К примеру, спящей Ледой он овладел, как изысканно говорят первоисточники, будучи лебедем, Европу поимел в облике быка... Кстати, настоящих быков, коров и всякий прочий зоопарк он трахал так же спокойно, как и людей, не видя разницы! Когда в облике человека, когда в облике животного. И так делали все боги... И так было во все времена, во все века, при всех религиях. Но пришло христианство и ни с того ни с сего объявило это злом. Пороком!

Анатолий хохотнул.

– Хе, в дупу твоё христианство! Произошел откат, как говорят высоким штилем, к исконным ценностям. Вон в США президентом избрали «голубого». А госсекретарь – лесбиянка. Военный министр не скрывает, даже гордится своей продвинутой. В чем продвинутость? Не знаешь? Дикий ты человек! Состоится с двумя мастифами. Это такие большие собаки... И они его тоже... э-э... совокупляют. Да и вообще, теперь, чтобы стать хотя б сенатором, надо доказать, что не видишь разницы между устаревшими понятиями добра и зла, зато свято соблюдаешь статьи конституции США и прекрасно знаешь юриспруденцию.

Борис сказал с достоинством:

– Да, наконец-то становимся цивилизованным миром. Уход от этого феодализма... я имею в виду не только христианство, но ислам, буддизм, вообще любую религию!.. Это мракобесие, простите за вычурное слово. Нет бога, нет дьявола, нет посмертного наказания за грехи в этой жизни. Может быть, в Средневековье это было нужно, даже необходимо, но смешно пугать просвещенного человека, что полдня проводит за компьютером... пугать озерами кипящей смолы и котлами, где сидят грешники, а черти подкладывают в огонь дровишки.

– А раз нет бога, – сказал Анатолий насмешливо, – то гуляй, Вася!.. Вору, прелюбодейству, лги, режь...

Борис возразил очень серьезно:

– А вот для этого и существует юриспруденция. И разветвленная система охраны порядка. И неотвратимость наказания, что поддерживается огромной армией полиции и прочих карательных органов. Нельзя надеяться на собственную оценку вины!.. А то один готов

повеситься за украденную в детстве конфету, а другой и резню в детском садике сочтет лишь веселым отдыхом. А в законе права и обязанности для всех едины, что единственно честно и справедливо. Так что ты не прав, Толя. Прелюбодеяние узаконено, ибо в нем нет ничего опасного, это все выдумки средневекового христианства, ложь... ну, это по обстоятельствам, есть ложь и во спасение, праведная ложь, а вот насчет воровства и резни нынешняя система охраны порядка срабатывает лучше, чем заповеди «Не укради, не убий». Согласен?

Анатолий пожал плечами.

– Я что, по-твоему, за феодализм? Это я так просто... Слишком уж громко ты заявляешь свое кредо. Нагло даже.

– А я вообще наглый, – сообщил Борис. – Дима, ты чего молчишь? Весь вечер как в воду опущенный!

Алина посмотрела на меня оценивающе.

– Придется мне им заняться, – заявила, едва не позевывая. – Кровь разогнать... или хотя бы качнуть с места на место. А то от застойных явлений всякие умные мысли появляются, а от них голова болит.

Я в самом деле чувствовал себя, как будто из меня вынули некий стержень. Даже кости истончились, плечи обвисают, а мясо сползает под действием гравитации.

– Да, – произнесли мои губы. – Нет никакого Добра. Нет Зла. Ничего нет!

Борис вскинул брови.

– Дима, ты чего? У тебя того... кризис? Могу подсказать неплохого психоаналитика. Начинаящий, так что берет недорого, но – талантлив, пойдет далеко! А пока вруби музыку погромче, включи телевизор, а сам засядь за стрелялку. И телефон не отключай. Пусть тебе звонят, отвлекают...

– От чего? – спросил я.

– От всего, – ответил он твердо и посмотрел в глаза прямо. – Живи просто, ни о чем не думай. Только ни о чем не думай!.. Как все. Не задумывайся. Просто живи. Как прекрасен этот мир, посмотри...

Они пробыли недолго, ведь мы просто возвращались с тусовки видеоконференщиков, ко мне заскочили по дороге отлить, а потом, как водится, по рюмочке еще и еще, за комп посмотреть новые проги, перелапали новые сюдоки с фильмами, то да се, и так до часу ночи...

Хохоча, ловили на площадке лифт, как такси. В нашем доме их два: малый и большой. Я вынес Алине одежду, опять вышла голая, она такое проделывает даже абсолютно трезвой, к великому удовольствию курящих на лестничной площадке соседей. Дверцы распахнулись, все вломились, как в последнюю электричку, а я потащился обратно.

Спать, сказал я себе. Сова не сова, но утром даже у совы голова свежее и тонус выше. Долго чистил зубы, рассматривал себя в зеркало, такого красивого, умного, замечательного... но только гады этого даже не замечают, это только я пока вижу ясно, а они все как слепые. Снял часы, чтобы помыть руки. Горячая струя воды приятно обожгла пальцы, но в теле медленно разливается странный холод. И непонятная тоска.

Перед сном вышел на балкон. Обычно взгляд падает под тем же углом, как и на книгу или на экран ноутбука, но сейчас что-то заставило задрать голову. Звездное небо нависает четкое, непривычно яркое. Я поймал себя на мысли, что смотрю на небо... чуть ли не впервые. Вот так смотрел в самом раннем детстве, потом узнал, что оттуда никто палкой по голове не стукнет, и перестал обращать на этот привычный купол внимания. Не смотрим же на потолок...

Второй раз о небе вспомнил в старших классах школы. Был такой предмет астрономия, но не профильный, можно было сдавать всерьез, а можно и не обращать внимания, и я,

конечно же, как и все дети перестройки, обращал внимание лишь на то, что может пригодиться в реальной жизни.

От звезд какая польза, они ж за сотни и тысячи парсеков, а парсек это такая жуть, что, когда я однажды пытался вообразить, прошиб холодный пот посреди жаркого майского дня. И, конечно же, больше никогда не поднимал глаза к небу, как и миллионы москвичей, что смотрят только под ноги и по сторонам, чтобы не упустить призрачный шанс стать миллионером.

Одна из звездочек ехидно подмигнула. Присмотревшись, заметил, что мерцают и другие, какое-то явление в атмосфере, на самом деле звезды, конечно же, не мерцают. А если посмотреть в телескоп, то кажутся намного мельче, чем простым глазом. И чем телескоп мощнее, тем звездочки мельче.

Я ощутил, как на спину дохнуло предостерегающим холодком. Сейчас бы уронить взор с бесполезного неба, но я смотрел, смотрел. Очень медленно в сознание заползало странное ощущение огромности. Холодок растекался по спине, леденил затылок.

«А ведь в парсеке, – мелькнула неожиданная мысль, – чертова уйма миллионов и миллионов километров. Ни на какой ракете не доберешься. И никогда-никогда человек так далеко не побывает...» И что все эти надежды, что когда-то будем ходить под зеленым или синим солнцем, – сказочки, как и надежды на полет в сверкающей трубе, через которую снова вылетим в такой же по сути мир, только покрасивше, побольше, побогаче, где все умнее, толще, а женщины еще сговорчивее, а сиськи у них еще крупнее.

Холодок распространился по всему телу, начал пробираться вовнутрь. Но я, человек эпохи, когда главными словами стали «побалдеть», «расслабиться», «оттянуться», то есть избегать всяких усилий, ибо усилия – всегда дискомфорт, на этот раз не увильнул. Самому показалось, что расковыриваю старую рану – откуда у меня раны? – но со странным усердием смотрел в звездное небо, пытался представить эти жуткие просторы.

И лишь когда под черепом образовалась глыба льда, а в глазах начали замерзать слезы, я уронил взгляд. Зачем-то вытянул руку, никогда не рассматривал свои пальцы так внимательно и заботливо. Даже когда прищемил дверью, когда натер кровавые мозоли веслами или когда... вспоминай-вспоминай... прокричал внутри испуганный голос, только не поднимай взгляд к небу!

На коже редкие волоски, рудимент, уже не греют, как грели диких предков. Сама кожа неплотная, слабая, охотно передавшая защитные свойства одежде, мазям, кремам, дезодорантам. Под кожей красное мясо. Вообще-то, не красное, красным становится из-за крохотных трубочек, по ним носятся миллиарды красных кровяных телец. Кажется, их зовут эритроцитами. Есть еще и лейкоциты, это бледные амебы, санитары моего леса, ходят самостоятельно, даже против потока крови, уничтожают чужаков, что сумели пробиться в организм через кожу и защитные кремы. Все это, эритроциты и лейкоциты, а также всякие другие ткани, все состоит из ДНК или дрозифил... нет, хромосом, их видел на фото в разных журналах, эти ДНК, или просто молекулы, в свою очередь из атомов...

Дальше стало намного труднее, череп разогрелся, лед таял, но пар в свою очередь грозил взорвать черепную коробку. Я упорно напрягал внутреннее зрение, молекулы увеличивались, становились огромными, как планеты, распадалась на куски, а те разлетались на атомные ядра... Здесь меня потрянула непонятная судорога страха, но я, сцепив зубы, озлобленно представлял себе эти атомы, а потом и вовсе увеличил один атом и пошел углубляться вовнутрь... Здесь уже полная чернота, пустота, целая вселенная пустоты, а где-то в самом центре висит крохотное атомное ядро, а вокруг него носятся... или вибрируют... элементарные частицы...

Судорога страха пронзила с такой силой, что я вскрикнул от боли, но из непонятного упрямства все еще держал внутренним взором этот страшный мир, и вдруг пришло страшное понимание, что и сам я, такой умный, сложный и замечательный, состою из пустоты, где на огромном расстоянии один от другого висят в этой пустоте, вакууме, вот эти крохот-

ные комочки. На таких огромных расстояниях, что от одного до другого расстояние намного больше, чем от комара на Спасской башне до комара на крыше нью-йоркского небоскреба. Но между комарами хотя бы воздух, а внутри меня – вакуум, абсолютнейшая пустота, ничто... И весь я фактически – ничто, ибо частички «чего-то» занимают абсолютно ничтожнейшую часть пустой вселенной, коей являюсь я...

Я услышал хриплый животный крик. Это я, я осознал, кто я есть, что я, из чего состою, и это все в дикой панике забарахталось, завопило, забилося, но с еще большим ужасом я ощутил, что меня несут и швыряют силовые поля космического масштаба, в ледящей пустоте взблескивает, это проносятся не то фотоны, не то галактики и метagalaktики, а потом я и вовсе завис в черной пустоте, в *ничто*, а вокруг меня ледяной мрак, страшнее не придумать, здесь минус 273 по Цельсию, но я не чувствую холода, ибо то холод с точки зрения теплокровных млекопитающих, а на самом деле это не холод вовсе, это покой, это – *ничто*.

Я висел в полной тьме. Я знал, что у меня нет ни рук, ни ног, вообще нет тела, ибо все из мяса и костей, а те из молекул, атомов, кварков, а на самом деле из... вот этой пустоты. И что меня нет вовсе. А эти крохотные дрожащие точки атомных ядер – вовсе не я, потому что из таких же точно – камни, звезды, силовые поля, сам вакуум...

Сознание гасло медленно, но неотвратимо, как гаснет свеча, как гаснет жизнь умирающей от старости собаки. Исчезли ощущения, ибо все это ложь, в этом подлинном мире не может быть ощущений, исчезли страдания и боль – атомы не страдают, значит, не страдает и существо из атомов... исчезла сама мысль, уходит ощущение моего «я»...

И в самый последний миг, когда гасла эта последняя искорка, я взмолился мысленно: но должно же быть нечто, что не дает нам умереть в тоске и безысходности? Ведь живем же? Неужели все это – обман? Не верю, что это обман! Не верю...

Не верю!

Глава 2

Целую вечность мир был кроваво-красным. Затем в середине проступило почти оранжевое пятно, наметились туманные багровые волокна, протянулись от края мира и до края. Я попробовал шевельнуть головой, и мир снова стал красным, почти багровым. Я наконец сообразил, что сейчас яркий день, солнце просвечивает мои веки, как масляную бумагу китайского фонарика.

Чтобы открыть глаза, я сделал усилие, будто поднимал ворота «ракушки». Солнце с готовностью обожгло щеку и ухо.

Бескрайнее поле со скошенной травой... или пшеницей, кто ее знает, какая она с виду. Высокие копны или скирды, похожие на сверкающие кучи золотого песка, на самом дальнем краю поля, почти у темнеющего леса, два человека с косами в руках, несмотря на жару, мерно размахивают своими кривыми железками. Остальные, как и я, лежат в тени, дремлют, пережидают зной. В двух шагах от меня крепкий, хотя и мелковатый молодой парняга. Открытое доброе лицо, волосы русые, крупные черты лица. Рубашка распахнута на груди, парень в тени, однако ноги уже на солнцепеке, тень уходит, скоро припечет так, что парень задымится, если не проснется и не убежит раньше.

Я скосил глаза в другую сторону. Такое же поле, мы почти в середине мироздания. Домики за изгородью, важные гуси идут на водопой или с водопоя, доносится приглушенный гогот. Далекий рев скота. Щелкнуло, забавляется пастух.

Когда-то нас посылали с первого курса в колхоз на уборку урожая, но новинка не прижилась, слишком пахла старыми временами, и потому мы две недели пили парное молоко, забавлялись с молодыми доярками, дрались с деревенскими парнями, а потом уехали, познавшие жизнь в деревне.

Я лежал неподвижно, а в голове вертелись мысли, как я сюда попал и что со мной. Похоже, своими мыслями... только не вспоминать, не вспоминать!.. уже и так холодок пошел... довел себя до временного помешательства. Наверное, лечили трудотерапией на природе, но сейчас наконец-то пришел в себя. Что со мной было – лучше не вспоминать и фото не спрашивать. Возможно, сидел в смиренной рубашке, вопил, истошно перекосив рожу, губы в пене, гадил под себя и бросался головой на стены.

Мысли неторопливые, но без усилий и задержек. Все-таки я продукт своего времени, когда уже ничему не удивляются, всему готовы дать объяснение, все принять, все признать, со всем согласиться. Найти консенсус, как говорят. И вот сейчас я готов со всем согласиться, подписать необходимые бумаги, получить обратно свою одежду и деньги на электричку до Москвы.

Солнечная половина мира наползла на парня выше, разделив на две равные половины: нижняя, вопреки Фрейду, на жарком солнце, а верхняя – напротив, в тени. Он замычал, не открывая глаз, зачмокал, загреб что-то невидимое и потащил его или ее в район развилки весьма характерным жестом, что понятно, мне тоже на солнцепеке обычно снятся бабы.

Он открыл глаза, удивительно чистые, светло-голубые, сощурился. Толстые губы раздвинулись в улыбке.

– Эй, а ты откуда взялся?

Я промолчал, отвечать что-то рискованно, обязательно попадешь не в струю, вместо ответа я потянулся, зевнул, изображая такого же сонного увальня, что еще не пришел в себя.

В глазах парня росло удивление. Он окинул меня с головы до ног взглядом, сказал протяжно:

– Из дальних краев бредешь... У нас сроду не видели такой одежды!

Я невольно скосил глаза на свою одежду. Привычные мои джинсы люберецкой фабрики с лейблом, «сделано там-то за океаном», простенькая безрукавка... Ступни торчат босые, я ж сбросил тапочки, когда пошел чистить перед сном зубы. Впрочем, что мне сейчас шлепанцы...

Молчать дальше стало как-то даже опасно. Я сказал так же протяжно:

– Да... Из дальних.

– Меня зовут Хоган, – сказал парень. – Надо успеть заскирдовать, а то ведунья обещает через два дня ливни на всю неделю. Хоть церковь их всех... на костре, но, сам знаешь, насчет погоды обычно угадывают...

Он засмеялся заговорщицки, я улыбнулся, мол, все мы тайком что-то да нарушаем. Надо было как-то назваться, раз уж тут в ходу ники, я сказал:

– Меня зовут Дик. И в чате, и на форумах.

Парень крепко сбит, мускулистый, похожий на боксера-мухача. Рубашка из грубого полотна, такое раньше шло на мешковину, брюки и того проще, а подпоясан веревкой. Короткой веревкой. На такой повеситься не удастся, а удавить себя, держа за концы, никто не сумеет.

– Привет, Дик, – сказал он просто. – Если тебе надо где-то переночевать, то у нас просторный дом. Только помоги мне с этим стогом, а то Велган, братишка, потихоньку смылся, пока я спал... По бабам научился, молокосос!

Он поднялся, я еще лежал, но уже видел, что этот Хоган почти на целую голову ниже меня, крепкий, хотя и мелковатый в кости парень, кровь с молоком, бойкий и белозубый. Психов я представлял совсем другими. Это я куда больше похож со своей интеллигентной внешностью...

Он подхватил вилы, сноровисто полез на вершину стога. Другие такие же вилы лежат в двух шагах от стога, явно остались от молокососа Велгана, знатока по бабам. Еще оглобля, разошедшееся тележное колесо, дорожный мешок... Странное колесо. Без спиц, сплошной круг с дыркой посередине... Дальше – свезенные поближе к стогу мелкие копенки, это из них складывают огромные скирды.

– Подавай, Дик! – крикнул парень, который Хоган, весело с вершины. – Надо управиться до вечера...

Я замедленно взял вилы. Солнце жжет плечи, на голову сыплются клочья травы из-под сапог краснощекого парня. Я неумело поддел остриями вил копенку, она тут же рассыпалась. Хоган захохотал, но беззлобно, ведь я еще не отошел от сладкой дремы, все из рук валится.

Мимо меня пролетела, хищно распластав рукава, пропотевшая на спине рубашка. Ага, Хоган подставил солнцу белые как молоко плечи. Наверное, он все еще лечится. Я наконец зачерпнул порцию травы на вилы, с усилием зашвырнул вверх. Тупые концы вил достали Хогана в сапог, но сверху вопль почему-то не прозвучал. Я отступил на шаг и задрал голову. Хоган с вершины стога замороженно смотрел вдаль.

– Дик, – проговорил он с великим изумлением, – Дик... там погоня?

От дороги в нашу сторону несется, как огромная птица над землей, сверкающий всадник на белом коне. На той стороне поля темным клином лес, если беглец успеет, там не найти, но беглец не успеет: его догоняют пятеро мужчин на крупных темных конях. В их руках я рассмотрел с похолодевшим сердцем узкие полоски железа.

Беглец на миг приподнял голову. Ветер злорадно сорвал с него головной платок. Слепленный, я увидел блеснувший солнечный свет. Длинные золотые волосы заструились по ветру. И у меня похолодело сердце: по синему чистому небу несется, догоняя всадницу, еще и огромная страшная птица! Нет, у этого крылатого зверя кожистые крылья, как у огромной летучей мыши, и мохнатая голова с жутко распахнутой пастью. Крылатый зверь выдвинул прижатые к брюху лапы, разжал когти.

Легкий конь всадницы промчался от стога в трех шагах. На меня пахнуло конским потом, по ноге ударил комок сухой земли, выброшенный копытом. Я судорожно оглянулся. В красочных снах летаю или дерусь с чудовищами, иногда догадываюсь, что все снится, но, когда я наяву, никогда не придет в голову, что это сон. Во сне не бывает такой резкости в деталях, такой четкости, а здесь даже вот на рукаве кипит, опадая, клочок пены с морды промчавшегося коня...

Крылатый зверь быстро снижался. Я отчетливо видел торчащие волоски вокруг оскаленной пасти, неровные острые зубы, родимое пятно на левой ноздре, а под ним, чуть отстав, несутся со скоростью курьерского поезда тяжелые кони погони. Громадный жеребец переднего всадника свирепо раздувает ноздри, словно и не конь вовсе, а дракон, глаза, как горящие уголья, а всадник люто скалит зубы, похожие на зубы летящего над их головами зверя.

Сердце мое билось так, что едва не выламывало ребра. Вот я здесь, полусумасшедший, попавший в этот мир, перепуганный и почему-то оскорбленный, и мне надо... Над головой промелькнула черная тень, обдало зловонием, уши резанул жуткий визг. Руки тряхнуло, вилы вырвало из пальцев и унесло.

Я быстро подхватил с земли оглоблю. На солнце блеснуло железо чужого меча. Руки тряхнуло снова, в правом плече едва не вылетел сустав. Конь с опустевшим седлом пронесся, задев меня потным боком.

Всадник ударился о землю, перекувыркнулся трижды и остался в стерне на спине, раскинув руки. Пока я решал, что мне надо, землю затрясло от грохота конских копыт. В руках всадников страшные боевые топоры на длинных прямых рукоятях, холод смерти охватил все тело, будто голым бросили в прорубь.

Я пригнулся, над головой просвистело железо. Второго всадника выбросило из седла, третий получил страшный удар в голову, а четвертый успел подать коня в сторону, а конец оглобли пришлось по конскому боку. Я услышал жалобный крик, конь рухнул вместе со всадником.

Пятый, не удержав коня, влетел в месиво бьющихся в воздухе конских копыт, выползающих людей, рухнул, придавив тяжелой тушей. Я отпрыгнул, теперь оглобля вращалась, как крылья мельницы при хорошем ветре. Один поднялся с топором в руках, страшный удар оглоблей по шлему бросил его на землю замертво.

Сзади послышался конский топот. Один всадник, что избегал оглобли, с поднятым топором надвигался на меня, готовясь к удару. Я перехватил оглоблю посередине, попятился. Всадник надвигался, смотрел угрюмо, исподлобья, топор перебрасывал из руки в руку.

Всадник, которого я сбил первым, очнулся, сумел приподняться на дрожащих руках, прохрипел:

– Харлан!.. Харлан, дурак... Догоняй принцессу...

Всадник на коне коротко оглянулся. Девушка на белом коне домчалась почти до самого леса, остановилась на опушке, развернула коня и смотрела на схватку.

– Не-е, – донесся из-под шлема такой густой бас, что у меня душа ушла в пятки. – Не... уже не догнать...

– Дур-рак, – сказал первый. Он поднялся, пошатнулся, с трудом подобрал с земли свой меч. – Убейте этого деревенщину и... Все равно ее надо догнать и убить.

Я завертел над головой оглоблю, бросился вперед, но, когда там подались, оглобля все же достала одного в плечо. Тот охнул и осел на землю.

Но остальные уже поднялись, четверо сильных мужчин, все в железных доспехах. В руках боевые топоры, а их предводитель вообще с длинным острым мечом, при виде которого охватило ознобом страха.

Я начал вертеть оглоблю над головой. Оглобля втрое длиннее руки с топором, к тому же эти все в тяжелых доспехах. Будь кто проворнее, успел бы пригнуться и быстро проскочить снизу, пока оглобля делает широкий круг, но в доспехах не до проворства...

С земли поднялся пятый. С топором в руках он пошел прямо. В круглых от бешенства глазах я видел свою смерть.

Рыцарь тоже видел, сказал резко:

– Как только ударит, бросайтесь все!

Я завращал оглоблей быстрее, готовился сразу же после удара быстро подтянуть и перехватить двумя руками посредине, чтобы отбиваться обеими концами.

Издали донесся красивый серебристый звук. Ничего более прекрасного я не слышал за всю жизнь, хотя у меня долби, а драйверы скачиваю самые новейшие по Интернету. Я невольно скосил глаза и едва не проворонил бросившегося всадника. Отпрыгнул, ударил, по рукам пробежала дрожь. Никогда не бил с такой силой, и никогда оглобля еще не попадала по такому железному столбу.

Всадник рухнул вместе с конем. Теперь я видел залитую солнцем всадницу на белом коне. Она красиво держала, запрокинув голову, изогнутый серебристый рог, и прекрасная щемящая мелодия терзала сердце и наполняла грудь сладкой болью.

– Все на него!

Дрогнув, я все же поймал концом оглобли самого ближнего, быстро перехватил обеими руками посреди, двумя концами отбиваться легче. Еще двое попятились, железо загремело под ударами, я чувствовал себя древним молотобойцем. Но в руках внезапно стало легко. Увидел торжествующие глаза совсем близко. Отшвырнув обрубок оглобли, я упал, как падают в кино крутые парни, перекатился в сторону, поймал руку с топором и выдрал из сцепившихся на рукояти пальцев топор.

И лишь когда вскочил на ноги, понял, что вот теперь, с топором в руке, совершенно беспомошен. И топор в руке какой-то не такой, не плотницкий, никогда не держал в руках подобное чудовище. Да и плотницкий, вернее – туристический держал только однажды в турпоходе.

Стук копыт прогремел, как будто неся табун. Словно из другого мира налетели всадники в железных доспехах. Их будто несло ураганом, но это был ураган из горячего металла. Я слышал тяжелые удары, крики. Всех четверых сбили с коней, отняли топоры и, как скот, согнали в кучу.

Я едва дышал, пот заливал глаза, а дыхание вырывалось из груди с жестяным скрипом. Почти ничего не видя, опустил топор и вытер рукавом лицо.

Притащили пятого, швырнули в кучу к пленному рыцарю. Тот сидел на земле, по лицу текла кровь. Одна рука бессильно висела, другой пытался вытереть кровь с глаз, но пальцы тряслись. Остальные сидели молча. Их лица были угрюмыми и обреченными.

С неожиданно явившимся спасением была девушка, которую рыцарь назвал принцессой. Это с нею четверо воинов, но я видел только ее, прекрасную, как фея из волшебной сказки, какие любят рассказывать по вечерам детям словоохотливые матери.

Трепет пробежал по всему телу. Девушка выглядит необыкновенной с ее бледным решительным лицом, огромнейшими голубыми глазами, в которых сейчас сверкает лед. В то же время у нее нежная белая кожа, пухлые губы, длинные пушистые ресницы... все как у просто красивой девушки, которая с визгом прячется за мужские спины.

Пышные золотые волосы падают бурными потоками на плечи, струятся по спине и груди.

В сторонке раздался жуткий скрежещущий визг. Двое прибывших воинов добивали за стогом крылатую тварь. Она все пыталась взлететь, но древко всаженных по рукоять вил стучало по ногам, чудовище падало и тыкалось страшной мордой в землю.

Один сказал густым бухающим голосом, будто рядом ударили в самый огромный барабан:

– Это же гарпия!.. Асмер, ты такие здесь видел?

Второй, которого воин назвал Асмером, вытер лезвие топора о мохнатую спину зверя, ответил чистым музыкальным голосом:

– Добрались уже и сюда...

– Думаешь, нечистый уже здесь?

– Нет, – ответил Асмер звонко. – Но его посланцы, как видишь, проникают в эти благополучные земли. Осторожно, Рудольф!

Гарпия, иссеченная на куски, все же ухитрилась вцепиться в сапог этого Рудольфа длинными желтыми зубами и так издохла. Рудольф, низкорослый, но невероятно широкий мужик весь в огненно-красной бороде настолько, что я видел только глаза, да и те поблескивают, как у ризеншнауцера, через рыжие лохмы бровей, с проклятиями бил рукоятью топора в оскаленную морду, пытался расцепить застывшие в смертном окоченении челюсти.

Асмер мелодично похохатывал. Невысокий, тонкий, он показался мне жидкой молнией, даже неким компьютерным спецэффектом, что может моментально менять форму, двигаться с любой скоростью, у которого по определению не может быть застывшего узаконенного облика.

Смуглый, зеленоглазый, он посмотрел на меня хитро, подмигнул.

– Да отцепись же, тварь! – заорал рассвирепевший Рудольф.

Я присел, ухватился обеими руками за челюсти. Ощущение знакомое, я сотни раз так расцеплял пасть отцовскому ротвейлеру, когда он подбирал какую-нибудь кость и пытался втихую сожрать.

Челюсти разжались без скрипа, какое там окоченение за пару минут. В сапоге круглые дырочки, словно пробитые пулями.

– Не больно? – спросил я.

Рудольф наступил, буркнул:

– Малость побаливает. Что за зубы, что за зубы...

Я выпрямился, оказалось, что я почти на голову выше этого силача. Вряд ли ему это понравилось, но он взглянул на меня благосклонно, крепкая ладонь в железной перчатке больно ударила по плечу.

– Молодец, парень!

Плечо заныло, я пробормотал:

– Благодарю вас, сэр.

Асмер покачал головой, взгляд его, брошенный на Рудольфа, был полон укоризны. Но на меня оба посмотрели с некоторым уважением. Наверное, я должен не то сломиться в позвоночнике после такого хлопка по плечу, не то по ноздри уйти в землю.

К пленным подъехал на рослом коне высокий рыцарь в настоящих стальных доспехах странного серебряного цвета. Высокий, красивый, с благородным и надменным лицом. Крупные холодные глаза смотрят с безразличной надменностью. Массивная нижняя челюсть вызывающе и надменно выдвинулась вперед. И хотя это явно мой спаситель, у меня сразу появилось желание двинуть в эту челюсть. Губы как будто выкованы из темной меди, по углам твердые складки, а на подбородке даже не ямочка, а противотанковый ров, разделяющий подбородок надвое.

Холодный чистый голос с металлическим оттенком прозвучал ровно и беспощадно:

– Во имя Господа, что заставило вас напасть на нас, бездомные бродяги?

Пленный рыцарь поднял голос, голос его звучал зло и раздраженно:

– Осторожнее со словами!.. Я – герцог Морвент, властелин этих земель!

Рыцарь на коне медленно наклонил голову:

– Сэр Лансерот, благородный рыцарь, к вашим услугам. Что заставило герцога напасть на путешественников, что мирно проезжали своей дорогой, никому не нанося ущерба, не задевая ничьей чести, не оскорбляя ничьих святынь?

Герцог бросил взгляд на принцессу. У меня сразу зашлось сердце, но в груди поселился страх. Герцог Морвент! Властелин, как он сказал, всех этих земель, хозяин ближайшей деревни, где наверняка он царь и бог... И где мое племя, не знаю, что тут за век, но явно я в его власти! Черт, зачем сшиб с коня самого герцога?.. И еще пару раз сбивал с ног уже на земле. И вот сейчас кровь на его морде... да не от рыцарского меча, такими ранами гордятся, а от оглобли. Черт, а как же мое кредо насчет хаты с краю?

Со стога слез Хоган, лицо бледное, глаза вытаращены, челюсть отвисла. Приблизиться к господам не посмел, смотрит на меня, как на висящего уже на дереве.

Герцог ответил надменно:

– Это мои земли. Здесь я хозяин!

Серебряный рыцарь поинтересовался холодно:

– Причина нападения только в этом?

К нему подъехал второй воин, на полголовы ниже, но вдвое шире и такой огромный, что тяжесть грозила вдавить коня в землю. Если у Ланзерота лицо вытянуто по вертикали, как будто на экране сбилась фокусировка, то этот растянут как в плечах, так и в морде. Голова – настоящая скала из гранита. Эволюция с ним не церемонилась: одним ударом прорубила щель для глаз, надбровные дуги так и остались нависать скальным уступом, грубо тесанула короткий нос, рот, все остальное вовсе без обделки, просто неотделанный камень.

Голова на плечах сидит почти без шеи, так мне показалось, потом сообразил, что чудовищная шея просто переходит в могучую спину и широченные плечи. Грудь его напоминала лобовую броню танка высокой проходимости, на которой навешаны добавочные стальные пластины для кумулятивных снарядов.

Он что-то сказал негромко рыцарю, назвавшемуся Ланзеротом. Тот кивнул, сказал с холодной брезгливостью:

– Убирайтесь, собаки!.. Ваше счастье, что никто из наших не пострадал. Иначе сам король Азалатарк не защитил бы тебя, погань.

Герцог поднялся, глаза его с ненавистью впились в лицо блистающего рыцаря.

– Мы еще встретимся.

– Сомневаюсь, – ответил Ланзерот брезгливо. – Я не бываю в свинарниках. Убирайся, пока мои люди не передумали.

Люди герцога быстро подвели ему коня, тот с их помощью влез в седло. Вся группа удалилась, стараясь безуспешно сохранить остатки достоинства. Рыцарь обернулся к принцессе:

– Надо ехать, ваша светлость! Господь милостив, но мы непростительно задерживаемся.

Старый воин тронул его за плечо. Я рассматривал его во все глаза, как ожившего динозавра. Талию, конечно, на таком гиганте искать бесполезно, но на широком поясе, усеянном металлическими бляхами, висит кинжал, короткий нож, фляга с вином, а с другой стороны – устрашающего вида топор с широким лезвием.

Если на Ланзероте кожаные брюки, то на этом – кожаные штаны. Сапоги великанские, на толстой подошве, такая выдержит и противопехотную мину, а за голенищем еще один нож с простой деревянной ручкой. Чисто выбрит, но все равно щетина торчит, как на спине дикого кабана. Голос рыкающий, низкий, бухающий, словно вдали кто-то бьет в огромный барабан.

– Что тебе, Бернард? – спросил рыцарь недовольно.

Воин кивнул в мою сторону. Рыцарь оглянулся, несколько мгновений изучал меня, молодого простоватого парня. Я ощутил, как над миром настала звенящая тишина. Наконец рыцарь сказал с некоторым удивлением:

– Не думал, что в этих землях найдется хоть один... Ты славно дрался.

Я поклонился:

– Спасибо на добром слове, благородный господин... Ланзерот.

Рыцарь сунул руку в кошель на поясе. В его пальцах блеснула монета, он готовился ее по-королевски бросить, но старый воин, которого Ланзерот назвал Бернардом, сказал негромко:

– Ланзерот, опомнись... Это ли нужно парню?

Рыцарь поморщился.

– Ты о чем?

– Парню здесь больше не жить, – прогудел Бернард так, будто отзывался из глубокого склепа. – Земли герцога!.. А это его люди. Он волен... он все волен! Ты думаешь, доживет до завтра тот, кто поднял на него руку?

Рыцарь поморщился снова, но его глаза оглядели меня чуть внимательнее.

– Если и доживет, – ответил он, – то лишь для забав в его застенках. Этот герцог – палач, по морде видно. Ты прав, парню здесь не жить.

Я стоял как в воду опущенный. Они говорят обо мне спокойно, как о козе на базаре, которую можно оставить на молоко, а можно и пустить на мясо.

– Возьми под защиту, – рыкнул Бернард. Ланзерот покачал головой.

– Нет.

– Ланзерот, почему?

– Ты же знаешь, куда едем и что везем.

Бернард усмехнулся.

– А кто сказал, что возьмем с собой? Просто дадим защиту на время, пока минуют эти земли. А потом оставим в какой-нибудь деревушке. Парень молодой, а какой здоровенный, погляди! Ему все будут рады. Пару золотых хватит, чтобы обосноваться на новом месте и даже прикупить пару коров или стадо овец.

Ланзерот в сомнении качал головой. Я дернулся, сзади и слева словно вспыхнул свет, озарил лица. Даже у Бернарда гранитное лицо осветилось, а в зротах заблестели искры глаз. Воины раздвинулись, в проходе появилась принцесса.

Теперь, стоя на земле, она показалась удивительно маленькой, хрупкой, миниатюрной. И хотя на каблучках, но ее макушка вряд ли достала бы мне до подбородка. Огромные чистые глаза смотрели с дружеской симпатией.

– Мы не оставим его на расправу, – сказала она твердо. – Господь отвернется от нас!

Рыцарь быстро взглянул в ее решительное лицо. В глазах все еще было сомнение, но спорить не решился, сказал жестко:

– На колени!

Меня ударило, как хлыстом. Я опустился раньше, чем понял, что делаю. Я читал в старых романах фразы, что вот, мол, зашел в зал человек, у которого лицо человека, рожденного повелевать, но пропускал их мимо сознания, как литературный эпитет. Но у этого Ланзерота даже голос именно рожденного повелевать, я опустился беспрекословно, опустился сразу. Правда, на одно колено, на второе оперся обеими руками, готовясь вскочить, но увидел глаза Бернарда и... остановился в движении.

– Делай, что тебе говорят, – рыкнул Бернард. – Иначе за твою шкуру не дам и дохлого жука!

Принцесса сказала громко и властно:

– Как тебя зовут? Дик? Ричард-простолудин! Ты выказал отвагу и благородство, что свойственны только очень мужественным людям. Посему я принимаю тебя под свое покровительство, а также твою присягу на верность!

В голове пронеслись суматошные мысли, сердце заколотилось, но не от страха – от злости и возмущения. Я уже давал однажды присягу, когда не удалось закосить от армии. Почти все из моего класса сумели, кто в самом деле по болезни, кто откупился, кто через суды добился альтернативной, а я честно отпахал два бесконечных года, теперь с содроганием вспоминаю

этот бесконечный кошмар, сделавший меня демократом до мозга костей. Тогда тоже все начиналось с присяги, когда вот так же на колено с целованием знамени...

Бернард сделал шагок ближе. Я увидел его лицо и вспомнил, что это Средневековье, в Средневековье все повязаны присягой, абсолютно все. Свободен только король, да и тот присягал стране, богам, народу. Все остальные – вассалы друг друга, так это называется, вассалы и сюзерены, а каждый сюзерен – вассал более высокого вассала, который для него сюзерен, а для высшего – вассал, и так вплоть до короля. Даже король – вассал императора, если здесь есть император...

Я услышал тихий шепот, Бернард говорил как можно незаметнее, двигая только половинкой рта:

– Повторяй все... Повторяй все. Ни с чем не спорь.

– Клянешься ли, – спросила принцесса, – хранить верность?

– Клянусь, – сказал я не своим голосом. Глядя на нее, я готов был поклясться в чем угодно. – Клянусь!

– Обязуешься являться на зов немедленно? Даже если надо оставить дом и семью?

«Какую семью», – мелькнуло в голове, но сказал тем же чужим голосом:

– Да-да, клянусь...

– Клянешься ли и дальше так же отважно защищать честь и достоинство принцессы Азаминды?

Я поднял на нее глаза:

– Да, клянусь!

Принцесса произнесла сильным, звонким голосом:

– Я же клянусь защищать тебя с этой минуты и до конца моих дней. Отныне мой замок и мои земли всегда дадут тебе убежище, а все мои люди придут на твою защиту. Отныне я твой сюзерен. Аминь!

Глава 3

Хоган опасливо обошел всадников, побежал, прячась за скирдами, со всех ног к далеким домикам. Рыцарь и его воины тяжело взбирались на коней. Хотя в полных рыцарских доспехах один Ланзерот, остальные в стальных панцирях, а руки от плеч покрывает кольчуга, но железа на них побольше, чем на современных коммандос.

Бернард кивнул мне.

– Иди рядом. Мы пройдем мимо деревни.

Я оглянулся на стог, на скошенную траву. Все еще не укладывается в голове, все это Средневековье, драка, крылатая гарпия, божественная принцесса, эти суровые рыцари... Похоже, в размеренном мире «моей» деревни никогда ничего не происходило, а если кого и выдавали замуж в соседнюю деревню, то оплакивали, будто провожали на край света. Мне проще бы освоиться здесь, понять, что со мной случилось и как выбраться обратно.

Справа и слева двигались блестящие конские бока, в стремях покачиваются сапоги из грубо выделанной кожи. У Бернарда поверх кольчуги еще и стальные пластины на руках, а также щитки, как у хоккеистов, защищающие голени. Я никогда не видел столько железа на людях. И чувствовалось, что это не тонкие листочки металла, которые можно пробить острой палкой, на этих людях настоящие наковальни.

И кони... таких коней я тоже не видел. Не только крестьянские лошаденки не годятся для сравнения, даже кони герцога и его людей кажутся крестьянскими лошадами рядом с этими зверями. А те, которые на Олимпийских играх, слишком тонконогие и изнеженные, они пали бы под этими закованными в железо людьми...

На дороге от далекого замка появилось облачко пыли, росло, быстро приближалось в нашу сторону. Из пыльного облака вынырнули бешено скачущие кони. Потом мне все закрыл могучий круп белого жеребца Ланзерота, еще впереди весело помахивает хвостом лошадка принцессы, но справа на огромном коне высится тяжелая башня из железа, это он, Бернард, прогудел предостерегающе:

– Ланзерот, герцог оказался шустрым...

Ланзерот откликнулся, не поворачивая головы:

– Стыдно для герцога пасть до мести простолюдину.

– Даже такому, – буркнул Бернард.

– А что с ним? – донесся холодноватый голос.

– Да ты взгляни на него...

Ланзерот не ответил, но я чувствовал, что он так и не взглянул в мою сторону. Я на всякий случай постарался сгорбиться, пошел на полусогнутых.

Впереди Ланзерот натянул поводья. Я видел в просвет между его конем и лошадьёю принцессы, как герцог остановил коня на полном скаку, поднял на дыбы. За его спиной пятеро воинов, а еще тучный человек в пестром наряде, без доспехов, в красной шляпе с павлиньим пером.

Похоже, герцог намеревался стоптать меня конем или же осадить жеребца прямо передо мной, но Ланзерот невозмутимо загораживал дорогу, а рядом с блистательным рыцарем сидит принцесса и смотрит на герцога, как на пустое место.

– Прочь, – выкрикнул герцог зло. – Это мои земли! И мои крестьяне!

Он сделал знак толстяку в шляпе с павлиньим пером. Тот, крихтя, слез с коня. Спешились и пятеро воинов, начали протискиваться в мою сторону. Бернард и еще двое воинов достали топоры и молча загородили дорогу. Я помедлил, терять нечего, поднял с земли обломок большой толстой палки.

Герцог сказал злорадно:

– Я счастлив представить шерифа этих земель, верного слугу императора Вильгельма Блистательного!.. И горе тому, кто посмеет противиться его указам. Слово шерифа – это слово самого императора!

Ланзерот холодно усмехнулся. Его рука медленно, очень медленно тащила из ножен меч. От сверкающей полосы стали исходил странный свет, словно меч из льда, стального льда. Все застыли, глядя на это чудесное лезвие. Даже я, далекий от всякого оружия рыцарей, сразу ощутил, что этот меч прорубит любые доспехи, как мой деревянный меч в детстве просекал листья чертополоха.

Шериф вытаращил глаза:

– Он готов противиться мне! Мне – шерифу... Да за это мало виселицы! За такое колесуют, да за это...

Он задохнулся, герцог злобно усмехался.

– Назад, – произнес Ланзерот надменно. – Этот человек принес присягу принцессе. А мы ее вассалы. Всякому, кто предъявит на него свои права, по императорскому указу придется скрестить мечи со мной, ее вассалом.

Бернард бухнул гулко:

– Со всеми нами.

Он взвесил на ладони огромный топор. Редкий человек смог бы удержать такой даже двумя руками, но этот гигант держит, как пруттик.

Герцог побледнел, конь под ним слегка попятился.

– Что значит... принес присягу?

Шериф опасливо отступил. Я сообразил, что теперь уже он чуть ли не нарушитель закона: посягнул на чужое имущество. Его люди попятились, герцог оказался впереди один.

Ланзерот сказал с оскорбительной вежливостью:

– Так вы готовы, подлый лжец, оружием доказать, что этот человек – ваш?

Он поиграл мечом, бросая блики на сразу вытянувшееся и смертельно бледное лицо. Шериф вскинул руки.

– Стойте, стойте! Властью, данной мне императором, закон здесь я! Если этот человек принадлежит герцогу, то он должен повиноваться герцогу. Если успел принести присягу вам... чертовски хитрый ход, признаю, то мы об этом не знали. Поэтому считаю инцидент исчерпанным!.. Если только герцог не возжелает отстаивать мечом свои права на какого-то вонючего простолюдина, которых у него и так тысячи. Что, по-моему, излишне.

Конь под герцогом попятился, ему передалась дрожь хозяина. Наконец герцог выдал сквозь зубы:

– Нет, я на него не претендую.

Его люди поспешно и с облегчением вскакивали на коней. Шериф пристально посмотрел на меня, на Ланзерота, а потом сказал негромко, обращаясь почему-то к принцессе:

– Но мне кажется, лучше бы вы этого не делали.

Бернард громыхнул:

– Почему?

– Такие люди приносят много бед, – ответил шериф.

– Вы так думаете?

– Я шериф потому, что умею разбираться в людях.

Он поклонился и отступил. Герцог уже удалялся, спина его была прямая, солнце блестит на металлических латах, но мне почудилось, что герцога окружил странный сумрак. Герцог оглянулся, его взгляд отыскал принцессу. Мне показалось, что она вздрогнула и закусила губу.

Ланзерот проводил его задумчивым взглядом. Холодное высокомерное лицо выражало не больше, чем вершина снежной горы. Не поворачивая в мою сторону головы, бросил повелительно:

– Мы остановимся на привал на опушке леса. Там ручей... наверное, там и заночуем. Но с первыми лучами солнца пыль взвьется под копытами наших коней! Если тебя не будет с нами к этому времени, ты станешь клятвопреступником.

А Бернард предупредил:

– Много вещей не бери.

А красивый воин, который с нежным лицом, сказал удивительным музыкальным голосом:

– Вообще ничего не бери. И так тащим...

Я попятился. Да, это понятно, теперь мне лучше убраться из этой деревни как можно быстрее. По крайней мере надо побыть под защитой их мечей и их рыцарской спеси, пока не соображу, что со мной, куда я попал и как выбраться. А в деревне вряд ли отыщешь способ, как выбраться в свой мир.

Но и сказать вот так, что иду с ними прямо сейчас, подозрительно. Я чувствовал, что бледнею и краснею попеременно, а то и покрываюсь гусиной кожей.

– Я... я только... попрощаюсь, – сказал я.

Надо бы припуститься к далеким домикам бегом, но я не знал, какой из них «мой», пошел медленно, потому услышал за спиной брезгливый голос рыцаря:

– И ты думаешь, этот простолюдин решится оторвать задницу от своей теплой лежанки?

– Нет, – ответил другой голос, тяжелый, с нотками медвежьего рева. – Но мы дали парню шанс.

Принцесса, похоже, ничего не сказала. Мне показалось, только сердито сверкнула глазами и потрепала по шее свою красивую лошадку. Рука у принцессы тонкая, нежная, белая, но, похоже, уже умеющая крепко держать поводья коня.

Солнце уже опустилось за горизонт, на землю легли красные тревожные сумерки.

Я все замедлял шаг, домики в один ряд вдоль дороги, а по ту сторону поле, огороды, сады, луг, где пасется огромное стадо коров, мелких и невзрачных, здесь еще не слыхали о селекции, тем более – о генетике и клонировании...

За огромным тусклым сараем я опустился на землю. Справа и слева огромные лопухи, слона можно укрыть, задумался. Считать, что я отъехал или поплыл, как выражаются любители наркоты, не стоит. У меня такая особенность, что в большинстве случаев я точно знаю, что сплю и вижу сон, что позволяло во сне чинить всяческие непотребства. Обычно я летал и заглядывал в окна, а когда видел молодую женщину, то бросался на нее, зная, что все безнаказанно, стоит лишь проснуться...

Но сейчас все реально, четко, зримо. Я в этом мире. Как попал, сдвиг ли в пространстве или же чья-то злая воля сюда перебросила – это другое дело. С этим надо разобраться, но это потом. А пока что надо понять, что дальше. Ясно, оставаться здесь нельзя, а защита, которую мне предложили, пусть на время, как раз то, что мне нужно.

Похоже, сейчас новолуние, или, как говорила моя бабушка, «месяц нарождается»: небо чистое, масса звезд, но луны нет вовсе. Зато звезды заливают мир странным трепещущим светом, а мои глаза уже почти привыкли...

Ладно, я насиделся достаточно. Будем считать, что попрощался с плачущей матерью, угрюмо посасывающим трубочку отцом, а младших братьев и сестер будить не стал. И вот сейчас я бесшумно выскользнул из дома, чтобы не увидели соседи, и задами пробираюсь в поле...

Пока шел через поле, различал каждую кротовую норку, но едва вошел в лес, чернота скрыла все. Я двигался, выставив перед собой руки, но все равно сучья ухитрялись обогнуть мои растопыренные пальцы и ткнуть в лицо.

Из-за деревьев донесся глухой вой, а я почему-то считал, что в таких благополучных краях последних волков должны бы поистребить. Над головой то и дело проносились темные тени, закрывая звезды. Я вспомнил ту страшную тварь, что гналась за принцессой, плечи сами передернулись, а холодная дрожь пронзила от макушки до пят.

Внезапно из темноты голос проревел насмешливо в самое ухо:

– Куда прешь!.. Бери левее.

Я узнал грубый голос Бернарда раньше, чем в испуге бросился наутек. Тьма со всех сторон, я в отчаянии пялил глаза, наконец из тьмы прозвучал звонкий музыкальный голос:

– Дуй прямо. Там костер.

Шагов через пять я едва не влетел в россыпь багровых углей, от которых шел сильнейший жар. Дно широкой ямы заполняли пурпурные комья, похожие на рубины с кулак размером, багрово освещали земляные стенки. У костра ни единого человека, все в тени. Неужели не спят?

Попробовал сидеть перед ямой с углями, показалось глупо, лег, благо воздух прогретый, а земля сухая и теплая, но сон, понятно, не шел, да я и не звал.

Глаза уже привыкли к сумеркам, а тут еще восточный край неба посветлел, из тьмы медленно выступили очертания повозки с огромными колесами почти в рост человека. Кони фыркают и хрустят ветками неподалеку. Еще дальше белеет нечто, похожее на клубы плотного тумана. Оттуда пахло животным теплом, я рассмотрел крупных рогатых быков. Или волов. Один уже поднялся, медленно поворачивал тяжелую, как башня танка, голову, остальные застыли огромными белесыми валунами.

Первым из тьмы появился воин, которого называли Рудольфом. Из того же теста, что и заступившийся за меня Бернард, теперь он казался даже медведистее Бернарда, на полголовы ниже, но еще шире, массивнее и, в отличие от выбритого Бернарда, весь покрытый, как лесной зверь, красной, что отразилось в имени, шерстью. Разве что нос еще не весь утонул в рыжих джунглях. На месте рта вроде бы угадывается щель в рыжих буйных зарослях. Те редкие полоски, где шерсть не росла, показались мне сожженными солнцем, будто Рудольф был особо чувствительным к солнечному свету эльфом или гномом. Красная борода широка, как веник, торчит во все стороны. Такие же пурпурные под цвет заката волосы падают на лоб, даже кустистые брови прячутся под волосами, глаза смотрят зорко из глубоких щелей под скальным навесом надбровных дуг. Да и высокие и широкие скулы, похожие на обкатанные морем валуны, готовы принять удары. Он выглядел надежной крепостью в человеческом облике.

Я ощутил на себе его пристальный взгляд, затем Рудольф ушел в сторону спящих волов, у костра как из-под земли возник Асмер. Невысокий, тонкий, смуглый, он снова улыбнулся так же молча и загадочно, исчез. На фоне светлеющего звездного неба его фигура тоже показалась исполинской. В той стороне стукнули копыта. Я приподнялся на локте, Рудольф пинками поднимал волов. В повозке распахнулся полотняный полог. На землю неловко слез высокий, сутулый, очень худой человек, с неопрятными седыми волосами, обширной лысиной. Лицо его показалось мне острым, как лезвие топора, глаза посажены близко к переносице. Нос, как клюв, губы тонкие, злые, кожа желтая. Он сразу закашлялся от свежего утреннего воздуха, на губах появилась кровавая пена. Даже в слабом рассвете было видно, что лицо посинело. Но для меня имела значение только его одежда: длинная до земли сутана или ряса, черная, по которой сразу узнаешь попов, неважно какой конфессии.

Его острые злые глаза воткнули в меня взгляд с такой силой, что я ощутил покалывание. Я невольно поднялся, он подошел быстрыми шажками, согнутый, похожий на коршуна.

– Ты? – сказал он пронзительным голосом. – Это тебя наши недоумки увозят отсюда?

Я поклонился.

– Им виднее.

Он всмотрелся в меня, глаза его расширились. Он побледнел, отступил на шаг. На лице проступила гримаса страха. Оглянулся, будто ища помощи, вскрикнул еще визгливее:

– Недоумки!.. Кого вы пригнали?

Подошел Бернард, угрюмо посмотрел на меня, на священника.

– Отец Совнарол, если бы не он, то принцесса... гм...

Священник заявил громко:

– Бывает, лучше погибнуть от когтей Тьмы, чем принять от нее руку помощи!

Бернард поморщился, но посмотрел на меня вопросительно. Появился Лансерот, за ним Рудольф. От меня ждали ответа, я переступил с ноги на ногу, жалко улыбнулся, развел руками:

– Ну какая из меня Тьма?

Священник взвизгнул:

– Я вижу!.. Я зрю! Меня не обманешь, прихвостень Сатаны!.. Я зрю за твоей спиной клубы Тьмы, кривляющиеся рожи бесов, слышу их хохот!.. Принюхайтесь, разве не слышите, слепцы, запах серы и адской смолы? Не почувствуете дыхание ада?

Бернард и Лансерот разом перекрестились, а Рудольф еще и пробормотал молитву. Только Асмер смотрел на меня с сочувствием, но помалкивал. И тут снова полог отлетел в сторону, из повозки выпрыгнула легко и красиво принцесса Азаминда.

Сердце мое, окаменевшее уже давно, задрожало жалко, встало на задние лапки. Сейчас все женщины стремятся быть еще сексуальнее, сексапильнее, эротичнее, порочнее, откровеннее, натуральнее, фабрики и заводы пашут в три смены, создавая эротичные мази, духи, дезодоранты, научно-исследовательские институты ломают головы, чтобы сделать еще эротичнее и сексуальнее, а я смотрел на это воплощение чистоты и непорочности, грудь моя разорвалась с треском, я чувствовал, как забилося окровавленное сердце, как ему захотелось служить, подчиняться, быть в плену этой чистоты и целомудренности.

Безукоризненное аристократическое лицо с нежной белой кожей, несмотря на палящее солнце, вздернутые тонкие брови, удивительно красивые арки, крупные синие глаза в обрамлении длинных ресниц с загнутыми кончиками, красивый рот и водопад золотых волос, что крупными локонами падают по плечам, падают и падают, солнечные зайчики скачут в каждой пряди.

Ее золотые волосы были красиво перехвачены на лбу голубой лентой, сзади падали роскошной волной на спину. Она подбежала к нам, лицо раскраснелось, глаза полыхали гневом.

– У меня тоже есть чутье! – сказала она резко. – Да, он какой-то странный... Но он пришел нам на помощь, не думая о себе. И я не считаю, что это было нарочно, чтобы внедрить в наш отряд... врага!

Священник затрясся, глаза полезли из орбит. Назревала ссора, но Бернард воздел обе ладони, широкие как весла галеры, сказал густым медвежьим голосом:

– Мы этого парня возьмем с собой до ближайшего села, куда не дотянутся руки Морвента. Это устроит всех?

Священник хрипел в ярости, глаза его испепеляли меня. Лансерот окинул меня недоброжелательным взглядом, но не снизошел до брани, повернулся и пошел в сторону коней.

Бернард посмотрел ему вслед, сказал торопливо:

– Пора запрягать. Мы что-то задержались.

Все, даже принцесса, отправились к волам, запрягали и взнуздывали коней. Седлали, затягивали на их брюхах широкие ремни. Я отступил в сторону, чувствуя себя жалким

и ненужным. Я и в турпоходе не умел натянуть палатку, ловить рыбу, варить уху, а здесь все суется слаженно. Все, как муравьи, делают одно общее важное дело.

Неслышно появился Бернард. Буркнул неприветливо:

– Возьми одну из запасных лошадей.

– Ка... какую? – спросил я, запинаясь.

– Да любую, – ответил Бернард. – У наших коней крепкие спины.

К счастью, Асмер помог выбрать крепкого гнедого жеребца, спросил, умею ли верхом. В голосе звучала такая насмешка, что я, вспыхнув до корней волос, ответил, что умею, хотя за всю жизнь только дважды взбирался на конские спины. Больше просто не приходилось. Разве что когда в ту единственную поездку в подшефный колхоз купали лошадей, забирался на спину, даже устраивали гонки, но то без седла, на мокрых конях, недолго... А сейчас я взобрался на огромного коня, сильного, выносливого, это видно сразу, достаточно только взглянуть на сухие жилы, тугие мышцы.

В повозку запрягли шестерых волов. Ланзерот и Бернард помогали Асмеру и Рудольфу, но потом те остались с телегой, а Ланзерот и Бернард поехали впереди. Принцесса исчезла в повозке. Я подумал, что принцессе могла бы повезти и коза, а шестеро волов – чересчур, но смолчал.

В лесу по обе стороны тропки пошли, отступая за спины, спокойные, уверенные в себе деревья, не знающие пожаров, топоров дровосеков. За их спинами белели березки, прижимался к земле темный ельник. Я старался удержаться в седле, присматривался к своим спасителям. Все в железе, тяжелом и неудобном. Правда, только Ланзерот в металле от макушки и до пят, даже на руках не латные рукавицы, а настоящие перчатки, разве что с внутренней стороны тонкая ткань, иначе хотел бы я посмотреть, как удержит меч, а Бернард и Рудольф всего лишь в панцирях, надежно закрывающих грудь и спины, железо надето поверх кожаных камзолов. Оба в толстых кожаных штанах, таких же чулках из потертой кожи, даже башмаки такого же цвета, словно все из одного куска кожи.

И хотя Бернард спас мою шкуру, я его инстинктивно сторонился. У него вид человека, который на все перед собой смотрит как на препятствие, которое нужно повергнуть, сломать, растоптать, а я, человек эпохи консенсуса, напротив – избегаю конфликтов любой ценой. Ну, не любой, это так говорится, я все же пока не готов по первому окрику встать в известную позу и стараться получить удовольствие, но все же если есть возможность избежать конфликта, я заранее выберу нишу, втянусь туда и предпочту наблюдать на экране ящика в виде репортажа из «горячих точек».

Асмер и в седле постоянно двигался, оглядывался, улыбался, подмигивал, двигал бровями, руки его ощупывали пояс, карманы, а на далекий горизонт он посматривал с таким видом, словно и его готовился ощупать, подправить линию, где портит горный хребет, заодно смахнуть с неба неряшливых птиц и по-другому расставить облака.

Я напомнил себе, что здесь нет Интернета, где из шести миллиардов двуногих могу для общения выбрать самых совпадающих с моим характером и вкусами, здесь лопай что дают, а не хочешь – подымай, потому зажал сердце в кулак и заставил коня догнать Бернарда. Тот не обращал на меня внимания, еще бы, я ж простолюдин, а он все-таки воин. Не рыцарь, но один из людей принцессы, а это высокая ступень. Я украдкой приглядывался к его широкому мясистому лицу. Такое же у добряка Матвея Павловича, отца Сергея, но если лицо Матвея Павловича испечено из теплого мягкого хлеба, то у Бернарда высечено из гранитной скалы. И все равно смотрится почти красивым. Голливудские ричардгиры осточертели.

Рыцарь в их отряде только один, но Бернард, Асмер, Рудольф едут с достоинством благородных лордов. В то же время сэр Ланзерот не гнушается сам седлать своего коня, осматривать ему копыта. Похоже, вообще не разделяет работу на благородную и простолюдную, если дело касается коня или оружия.

Я украдкой всматривался в их посадку, копировал манеру держать поводья левой рукой, чтобы правая была всегда возле рукояти оружия. Меча не дали, даже боевой топор не доверили, но Бернард вручил кинжал из сырого железа, и я кое-как прицепил к поясу. Пальцы то и дело сами шупают рифленую головку, по телу странная сладкая дрожь.

Повозка двигается, похожая на просторный курятник, поставленный на четыре огромных колеса. Я вообще-то впервые вижу повозку с дощатыми стенками. У нас телеги и подводы... да что там подводы – даже зимние сани и то открыты при любом морозе, а что уж говорить о телегах! Это иногда в фильмах-вестернах видим фургоны, крытые полотном, похожие на передвижные парники, но там легкая ткань, а здесь чуть ли не прототип ленинского броневика...

Настоящий сарай на колесах, даже дверца обычная, сарайная, только ручка деревянная, все-таки железо в этом мире – признак роскоши... За повозкой – четверо коней, так называемые заводные.

Впереди дорога расширилась, деревья ушли далеко в стороны. Я заставил коня догнать головную группу. Да, с конем освоился, это проще, чем водить машину. Правда, машины у меня нет и не было, но друзья давали покрутить руль, и это получалось. Что еще? Я вообще-то ростом даже ниже среднего, но здесь почему-то чувствую себя почти гигантом. Правда, если учесть, что рыцарские доспехи самых видных ричардов с львиными сердцами налезали сейчас разве что на десятилетних подростков, то понятно, что общая акселерация в последние сто лет сыграла в мою пользу. При всей анемичности я все же крепче большинства жителей этого мира, не знавшего витаминов и джинтропина.

И уже начинаю догадываться, что уроки физкультуры в детском садике, в школе и два года армии тоже что-то дают.

И тут меня пронзила судорога, а волосы встали дыбом. Да, но по небу тогда неслась чудовищная мышь с кожистыми крыльями метра три в размахе! Ни в каком Средневековье не было таких тварей. А ей хоть и удивились, но лишь потому, что не туда залетела или не при той погоде. Какое-то странное Средневековье. О нем ничего ни в старых летописях, ни в пыльных манускриптах, ни в пересказах латинских авторов.

Я тогда воткнул вилы в брюхо совершенно инстинктивно. Ну как бы бросил палку или камень в бегущую за испуганной девушкой собаку. И так же на рефлексах оглоблей защищал ее... Девушку, а не собаку, от вооруженных всадников. И хотя в своем мире вряд ли рискнул бы задраться даже с одним сопляком, все они обкуренные и нанюханные, ничего не понимают и ничего не страшатся, но здесь все так необычно, что и я, типичный конформист двадцать первого века, вел себя необычно. Вернее, обычно для этого мира.

Я решился оторвать руку от повода, пальцы легонько коснулись шеи коня.

– Я тебя люблю, – прошептал я на всякий случай. – Ты сильный и красивый...

«Не конь, – мелькнула опасливая мысль, – а настоящий зверь». Мышцы перекачиваются под гладкой кожей, как валуны, шея толстая, ноги тоже толстые, но все перевито жилами, а грудь широка, как у самого могучего быка. Это для коров в этом мире нет селекции, ведь коровы принадлежат простолюдинам, а вот коней разводят, похоже, в особых собачьих питомниках. Или конятниках. И скрещивают только медалистов с медалистами.

Дорожка вилась по лесу, ей спешить некуда, волю тащатся неспешно, уверенно, спокойно. Я начал успокаиваться, хотя череп раскалился от попыток уложить все в нужные ниши. Понять ничего не понял, зато постепенно ощутил, что сижу на коне почти так же гордо и с достоинством, как остальные. Правда, конь идет шагом.

Лансерот в седле держится как вбитый в седло столб из серебра, а вот Бернард и Рудольф слегка покачиваются, как моряки на палубе, даже не замечая движения мускулов своих тел. От Бернарда донеслось размеренное:

– И все-таки можно радоваться. Да-да, радоваться... Даже ликовать.

– Чему? – спросило красное рыжее лохматое чудовище по имени Рудольф.

– Ты же видишь, под ноги лезет всякая шваль.

Бернард сказал угрюмо:

– Пока что.

– Пока что, – согласился Рудольф. – Потом, конечно, пошлют противников посильнее. Может быть, уже послали. Так что сегодня еще можете спать, как спят в этом сонном королевстве. Но уже завтра надо держать нос по ветру.

– Завтра еще рано, – возразил Бернард.

– Ну, послезавтра, – согласился Рудольф таким низким голосом, что я ощутил инфразвуковой удар в барабанные перепонки.

Глава 4

Деревья ушли за спину, мы выехали на простор. Я даже откинулся в седле. Изумрудно-зеленый мир, иссиня-синий и оранжевый всех оттенков – он раскинулся во всей первозданной красе: необъятный и сверкающий. Чистый, нетронутый. Такого я никогда не видел в родной Москве, когда пару раз выезжал «на природу» с собутыльниками, и впечатление осталось прегадостнейшее. В лесах загажено, под кустами целлофановые пакеты, баночки из-под пива, кока-колы, серые клочья газеты, обглоданные кости и вообще всякая дрянь, что способен оставить только человек. И даже когда мы из леса выезжали на так называемый простор, то и там серо и гадко, а огромные ревущие самосвалы вываливают мусор прямо на ровную землю, откуда ветер растаскивает по всему полю...

Я выпрямился, грудь моя жадно хватала чистый, насыщенный запахом степных цветов воздух. И хотя и в лесу воздух удивительно чист, но здесь еще и небо, какого я никогда не видел, и оранжевые облака, заботливо взбитые, вылепленные в золотые замки, горные склоны, застывшие водопады. А там, куда солнечные лучи не достигают, там облака искрятся чистейшим снегом гималайских вершин.

Впереди дорога в сотни миль, десятки ночевок в лесу или во встреченных деревнях. В одной из них меня и хотят оставить... Здесь благородные не спрашивают простолюдинов, чего те хотят или на что надеются.

Я вздрогнул, блистающая фигура Ланзерота словно бы начинает вырастать в размерах. Меня ткнуло лбом в гриву коня, я поспешно натянул повод. Пальцы тряслись, когда провел ими по лицу.

В ушах прозвучал равнодушный голос:

– Привал.

Больше рыцарь не сказал ни слова, но я услышал все недоговоренное: распрячь коней и волов, накормить и напоить, дать отдохнуть, развести костер и перевести дух самим.

Ланзерот властно бросил поводья в мою сторону. Я поймал только потому, что привык ловить банку пива, у нас принято бросать друг другу, а не передавать из рук в руки, чтобы не коснуться пальцами, а то посторонние решат, что гомосеки...

Блистающая фигура рыцаря и темная масса Бернарда скрылись впереди за деревьями. Асмер развернул полотняный узелок, я с любопытством смотрел на лапоть сухого мха, пару округлых камешков: один светлый, второй потемнее с металлическим отливом. Асмер разложил на земле мох, пристроил тончайшие, как папиросная бумага, полоски бересты, и только когда взял в руки камешки, я понял, что увижу процесс добывания огня.

Камешки сталкивались с сухим шелканьем, как кастаньеты. Асмер наносил удары под углом, словно чиркал спичкой по коробку, и после пятого удара искорки попали в мох, появился слабенький дымок. Асмер пал на колени, смешно оттопырив тощий зад, дул тихо и нежно, а когда дымок повалил гуще, подложил щепочек и уже дул, свирепо раздувая щеки, похожий на бога ветров с географических картин средневековых художников.

– Ваша светлость, – сказал он почтительно принцессе, – костер готов. А я что-нибудь поищу для обеда.

Рудольф сказал ревниво:

– Я тоже. Посмотрим, кто принесет больше.

Принцесса слегка улыбнулась. Мне показалось, что между этими двумя уже давно идет война за первенство.

Я торопливо вытер коней пучками травы. Они фыркали и рвались к ручью с холодной водой. Особенно вспотел мой конь, а вот конь Бернарда даже не покрылся испариной, хотя Бернард кажется мне вообще медведем-носорогом в непомерно толстых латах.

Принцесса торопливо раскладывала на чистых полотенцах хлеб, сыр. Когда я, управившись с конями, подошел к костру, вокруг жаркого огня торчали крепкие рогульки, а принцесса умело подкладывали толстые сучья, готовила угли.

Я все пытался заговорить, но язык прилип к гортани. То, что я бросился на помощь ей, – само собой, мужчины обязаны защищать женщин, хотя бы в теории, в жизни хрен кто их защищает, они сами кого хошь обидят, но то, что она вступилась за меня, наполняло мою мертвую душу буйным восторгом. Я искал учтивые слова этого мира, она ведь привыкла к благородным словам, но все, что я знал из своего мира, выглядело грубым, неуклюжим, даже просто, если честно, хамским.

– Кхм, кхм, – сказал я, прочищая горло, – мы в походе, ваша светлость... К тому же я, по простоте, не знаю, как обращаться... У нас в деревне принцесс не водилось...

Она улыбнулась краешком рта, начала поднимать на меня глаза... и вдруг застыла. На бледном прекрасном лице отразился испуг.

Я круто развернулся. Девять воинов, все в металлических доспехах, появились словно из воздуха. Все девять рослые, широкие, а один из них вовсе гигант, темные доспехи на нем матово поблескивают. Я всей кожей ощутил их толщину и невероятную прочность. У этого воина, я сразу определил его в рыцари, шлем с настоящим забралом, в то время как у остальных на головах цельнокованные, с квадратными прорезями для глаз.

На левом локте темного рыцаря огромный щит, металлический, и такой огромный, что им можно бы прикрыть всадника вместе с конем. Рукоять меча болтается справа у пояса, но, когда рыцарь увидел, как я вскочил, мои движения от смертельной усталости были неуклюжими, рыцарь неспешно вытащил меч из ножен. Я застыл, не веря глазам своим, не думал даже, что меч может быть таким длинным и пугающим и что его могут обнажить против меня.

Принцесса вскрикнула, как раненая птица. В ее тонкой ладони появилась рукоять узкого кинжала. Взгляд, который она бросила на врагов, говорил, что она не достанется живой в руки убийц и насильников.

Я беспомощно и интеллигентно осматривался по сторонам, как всякий горожанин в поисках милиции. Чужаки как раз переступили через наши топоры, в их руках уже появились мечи и топоры.

И вдруг все застыло. Темный рыцарь сделал еще шаг, но и он остановился. Я проследил за его взглядом, сердце бешено застучало. Из-за дерева быстро вышел Лансерот, без доспехов, обнаженный до пояса. Мокрые волосы блестели, делая его похожим на селезня, а черты лица стали еще резче, злее. Солнце играло на могучих мышцах, а грудные пластины показались выкованными из толстой бронзы.

В руке он держал странное оружие, похожее на лук, только чересчур крохотное, к тому же целиком из железа, даже тетива блестит металлом, но деревянный приклад похож на приклад «маузера». Острый конец короткой стрелы был нацелен на темного рыцаря.

Темный проговорил сильным и резким голосом:

– Нам не нужны ваши жизни.

– Тогда уходите, – ответил Лансерот.

– Отдайте то, что везете, – ответил рыцарь. – И я, клянусь честью, отпущу вас.

– Все знают, – ответил Лансерот, – чего стоят клятвы Черных рыцарей.

Рыцарь выпрямился. Я видел горящие бешенством глаза, красный рот в прорези забрала. Губы шелохнулись, рыцарь явно готовился дать приказ броситься всем разом, и тогда уже ничто не спасет беглецов...

Сухо щелкнуло. Раздался металлический удар, словно стрела с железным наконечником ударила в наковальню. Прямо в середине шлема рыцаря появился металлический отросток. От сильного удара металл прогнулся, из щели брызнули ярко-красные струйки.

Рыцарь качнулся, колени подогнулись. Он грохнулся навзничь, ноги дернулись, тело вытянулось и застыло. Восемь воинов стояли недвижимо, мечи в их руках слегка шевелились.

Напряженное молчание показалось вечностью. Ланзерот тоже не двигался, так мне чудилось, но, когда я перевел на него взгляд, на дуге крохотного лука поблескивает металлом новая стрела.

Воины стояли в нерешительности, как показалось мне, еще несколько минут. Потом один сделал осторожный шаг назад. Другие отступили тоже. Потом еще и еще, так же медленно убрали мечи в ножны.

Ланзерот не двигался, а они повернулись и отправились к лесу. Когда все скрылись в чаще, Ланзерот быстро подошел к принцессе.

– Вы не ушиблись, ваша светлость? – спросил он озабоченно.

– Все хорошо, – ответила она с благодарностью. – Вы очень вовремя, сэр Ланзерот.

Она отвернулась от убитого, ибо угли прогорали, надо повесить над ними мясо на прутках, пятеро голодных мужчин, я потрясенно посмотрел на ее склоненную голову, золотые локоны разметались в беспорядке, только голубая лента не дает попасть им в огонь.

Ланзерот выдернул арбалетную стрелу, лицо оставалось таким же холодным и бесстрастным, как и всегда. За его спиной появился Бернард, увидел убитого, присвистнул.

– Господи, спаси и сохрани!..

– Уже сохранил, – ответил Ланзерот.

– Хвала Господу, – сказал Бернард. – Остальные ушли?.. Я видел много следов...

– Конечно, – ответил Ланзерот. – Конечно.

Он ушел, я тихонько приблизился к Бернарду. На убитого я тоже старался не смотреть, хотя тот лежит в красивой позе, а доспехи на нем добротные, воистину рыцарские.

– Почему ушли? – спросил я шепотом. – Их восемь человек! А наш ближайший топор вон там, за их спинами.

Бернард хмыкнул:

– Так и не понял?

– Нет, – признался я.

– Эх ты... Ладно, вот если бы меня и Ланзерота убили, ты бы убежал?

Да, хотел было ответить я, конечно, это ж нормально, но посмотрел в его честное солдатское лицо, ответил, как отвечали когда-то дикари, но уже не отвечают в мое просвещенное время:

– Как вы можете! Это оскорбление!

Бернард смотрел с ласковой насмешкой.

– Вот-вот, даже оскорбление... Сам видишь, что, когда бы нас убили, ты бы продолжал драться. Может быть, даже злее. Ну, меня жалко, ха-ха, чувство праведной мести... Потому что ты – свободный человек. Тебя держит с нами долг, честь, привязанность, чувство дружбы. А они держат человека и тогда, когда все остальное рухнуло. Понял?

Бред, конечно, какой там долг, какая честь, какая вообще привязанность, когда все это химеры и ничего подобного на свете нет вообще, но я уже понимал правила игры, кивнул и сказал:

– Это понятно. Но они... другие?

– Их держал вместе вовсе не долг, – пояснил он с отвращением, будто держал за лапу толстую жабу. – И не честь. Не знаю, то ли жадность, желание пограбить, то ли еще что... но, когда Ланзерот, который все понял сразу, убил их вожака, им уже не надо было подчиняться его приказам. А убивать вас... гм, просто так? Пограбить нечего, видно сразу. А вы с Ланзеротом – двое здоровых лосей, успели бы и голыми руками сломать спины одному-двум.

Ланзерот подошел, прислушался. Лицо его было темное, в глазах мелькнул огонек раздражения.

– Все не так, – сказал он резко. – Говорю же, этот был колдуном! А когда он умер, чары рассеялись. Без хозяина растерялись... Нет, в церковь не побегут замаливать грехи, как уверяет наш священник, эта падаль не умеет ничего другого, как грабить и насиловать, но теперь будут грабить для себя. А это значит, намного осторожнее.

Когда Ланзерот ушел, я тихонько спросил:

– А что у него за странный лук? Я таких еще не видел.

– Ты многого еще не видел, – буркнул Бернард. – А называется эта штука арбалетом. Очень сложная, правда. Не всякий оружейник может сделать даже простой! То ли дело лук – его можешь сделать сам. Срежь подходящую палку, натяни тетиву... А вот арбалет делают долго, такие умельцы на вес золота. Зато из арбалета даже ребенок может пробить закованного в доспехи рыцаря насквозь. Церковь недавно прокляла арбалеты, как оружие дьявола, но их все равно делают... К тому же у Ланзерота арбалет не простой, не простой...

Что такое арбалет, я знал. И, как сын своего века, мог бы рассказать им про арбалеты больше, чем они знают сами. Просто не представлял, что арбалеты могут быть такими маленькими. На лазерных дисках энциклопедий и даже в библиотеке Мошкова я видел только обычные, где тетиву натягивают крюком с пояса, или же усложненные, где ее же тянут воротом. Но все эти арбалеты величиной с лук кочевника, стреляющего на скаку.

– Рыцарь даже не пытался закрыться щитом! Не верил, что Ланзерот выстрелит?

Бернард показал головой.

– Он видел, что за стрела в канавке арбалета.

Я насторожился.

– Что-то волшебное?

– Нет, – отмахнулся Бернард с полнейшим пренебрежением. – Ничего волшебного! Просто этот арбалет и стрелы ковали гномы. А их стрелы прошибают и щиты, как гнилое полотно. Любые щиты прошибают! Кроме щитов самих гномов.

Он пошел снимать с убитого рыцаря доспехи, потом его закопали, а я все еще не мог захлопнуть рот. Гномы? Здесь есть еще и гномы?

От свежего холмика земли донесся строгий голос. Священник читал заупокойную молитву. Убитый был христианином, возможно, священник решил дать киллеру какой-то шанс выбрать котел в аду не над самым горячим пламенем. Голова моя шла кругом, но потом я решил, что если гномы, то легче объяснить и летающую гарпию... Правда, раз есть гномы и гарпии, то могут быть монстры и покрупче.

Доспехи с убитого Бернард нашел слишком легкими, непрочными, в доказательство порубил их громадным топором, как тонкую жесть. Но меч взял, осмотрел, хотел отдать мне. Воспротивился Ланзерот: меч – оружие рыцарей, а простолюдину надлежит драться топором, пикой, кинжалами и другими видами простого оружия. Бернард возразил, что в бою каждый хватает то, что под рукой, Ланзерот на это заметил, что они не в бою, на что Бернард сказал многозначительно, что зато в походе, особом походе, а Господь не будет в обиде, если пропустят вечернюю мессу или опоздают к причастию.

Завязался длинный спор, оба ссылались на обычаи, авторитеты, писанные и неписанные законы. Я уже ничего не понимал, потихоньку отстал, стыдно подслушивать, но чувство благодарности к Бернарду укрепилось.

Я все еще чувствовал себя, как в волшебном сне, временами чудесном, временами дурном. Осмелев, приподнимался на стременах, готовый взлететь, как летал во сне, порхать и кувыркаться в воздухе, визжать от счастья дурным голосом.

Остаток дня ехали без всяких приключений, но теперь Ланзерот старался не удаляться далеко от повозки. Да и Бернард с его громадным топором держался поблизости, хотя ехали по тихим мирным землям. Здесь, как они уже напоминали друг другу, явно успокаивая,

еще в древности истребили не только нечисть, но даже волков, что раньше таскали овец прямо из сараев.

Солнце клонилось к закату. Ланзерот вскинул руку, конь под ним взыграл и резво пошел в сторону. Когда отряд догнал Ланзерота, рыцарь был уже на земле. Он ослабил подпругу и, хотя рядом протекал ручей, взял коня под уздцы и повел вокруг поляны, чтобы конь успел остыть.

Здесь, под сенью деревьев, у ручья, и был первый для меня в этом мире привал, ночевка вне надежных стен дома. Ланзерот расседлал коня, к морде привязал торбу с овсом и принялся разводить костер. Мужчины торопливо собирали сучья.

Бернард разжег огонь в углублении, а ветки в пламя бросал только абсолютно сухие, что давали жар, но дыма от них не было. Принцесса хлопотала у костра, разделявала убитого зайца, как простая крестьянка. Я помогал ей неуклюже, брезгливо морщился от еще теплых внутренностей, двумя пальчиками брал окровавленные куски мяса и все не мог заставить себя двигаться уверенно, размашисто.

Пару раз поймал на себе заинтересованные взгляды Рудольфа и Асмера. Рудольф помалкивал, а Асмер вдруг спросил:

– А что ты делал в своем селе?

– Сено косил, – ответил я. Спихватился, добавил поспешно: – Все, что велели старшие.

– Ну-ну, – сказал он. – А что велели?

– Да всякое, – ответил я. – Я делал все.

– Но больше любил подраться? – переспросил он с интересом.

– Да нет, – пробормотал я.

– Да не стесняйся, – сказал он покровительственно. – Это там в селе худо, а здесь только приветствуется. Если покажешь себя, то определят не коров пасти, а дадут топор и щит!

– Благодарю, – пробормотал я. – Я ж только и мечтал... чтобы топор, значится, и щит...

Все тело болело, ныло, страдало. Если даже на комфортном сиденье автомобиля ухитряешься за долгую поездку отсидеть задницу, то на этом костлявом коне мой зад за двенадцать часов езды превратился в сплошной синяк.

Мужчины осматривали оружие, точили, ремонтировали доспехи, разговаривали, а я отполз от костра, ночь теплая, даже душная, как перед грозой, скорчился в клубок, подтянув колени к подбородку, и почти сразу провалился к крепчайший сон.

От костра к ногам все же докатывались теплые волны, я даже во сне ощутил, как все мои мышцы расслабились, кровь пошла свободнее по пережатым во время езды верхом венам и капиллярам. Я плывал в волнах теплого тумана, а когда увидел на себе великолепные рыцарские доспехи, даже лучше, чем у Ланзерота, то ничуть тому не удивился, ибо это сон... Дитя грамотного века, уже знаю, что во сне центр удивления в мозгу отключен, мы можем бояться или радоваться, но никогда и ничему не удивляемся, как и другие, гады, не удивляются, что я вот, крепко сжимая шершавую рукоять доверенного мне ножа, поднялся над землей, словно воздушный шарик.

Земля ушла вниз, я ощутил, что уже лечу, так часто взмывал в детстве, да и не только в детстве, эти легкие приятные сны посещали чуть ли не каждую ночь, когда я носился над спящим городом, заглядывал в окна многоэтажек, перепрыгивал с одного небоскреба на другой...

Костер удалился, превратившись в багровую точку среди сплошной темноты. Лунный свет выхватывает только верхушки деревьев, да вдалеке серебрились заснеженные пики гор. Я завис в воздухе, запоминая место стоянки, так запоминают пчелы и осы, я сам видел их воздушную хореографию, они даже совершают все расширяющиеся круги, но я помню, где восток, где запад, повернулся в сторону гор и полетел над лесом, поднимаясь по дуге все выше и выше.

Вот миновал лес, широкую полосу степи, еще один лес, холмы, почти у самого горизонта показалась россыпь багровых точек. Я направил полет в ту сторону, вскоре обнаружил множество костров. Бородатые солдаты сидят у огня: кто подкладывает веточки, кто точит оружие, но большинство спят, и багровые блики на их хмурых лицах делают их еще злее и зловещее.

Два десятка палаток для военачальников в середине лагеря. Полог каждого освещает тлеющее пламя костра, стража коротает время за игрой в кости. Я пролетел незамеченным над всем лагерем, тревожное чувство стиснуло грудь. Я судорожно вздохнул, однако гнетущее ощущение, что чья-то холодная рука проникла в мою призрачную грудь и пытается ухватить сердце, кольнуло, как острием ножа.

Я судорожно рванулся вверх, круто повернул и понесся в сторону гор. Я летел над темной, как грех, землей, и сердце сжималось от недоумения: насколько же велика и обильна, но едва в этой безбрежной пустыне встречаются люди, то вместо того, чтобы броситься друг другу в объятия, хватаются за оружие.

Дальше к западу огни костров встречались чаще. Однажды я наткнулся на целое войско, что раскинулось вокруг каменного города-крепости. Мне почудилось, что только ночь прервала сражение, а с утра начнут снова, но снизился и увидел, что в самом городе все выжжено, усыпано пеплом, остались только каменные строения, да и те черны от копоти. А весь ров вокруг города заполнен телами убитых.

Я пролетел вдоль рва, здесь только женщины, дети и старики. Их явно согнали сюда, а потом убили. Мужчины погибли раньше, защищая стены, сражаясь у проломов стен, на обломках разбитых тараном ворот.

А войско, что стоит у города, лишь отдыхает перед наступлением на очередной город...

Еще через час быстрого лета я увидел в ночи зарево пожара. Там горел город, и, приблизившись, я рассмотрел, как на стены карабкаются вооруженные люди, врываются в проломы, убивая израненных защитников, а тяжелые осадные баллисты продолжают швырять на город горшки с горящей смолой.

Кое-где мужчины, сбившись в кучки, отчаянно защищаются, их убивали издали стрелами, а другие захватчики уже врываются в дома, вытаскивали за волосы плачущих женщин, тут же на улице срывали одежду, насиловали, избивали и затем либо убивали, либо гнали в толпу пленных.

Я отчаянно пытался увидеть разницу между защитниками и нападавшими, но все одеты одинаково, крики одних и других звучат на одном и том же языке. Отчаявшись, я полетел дальше, дальше, пока полная луна не зависла над самой серединой мира. Звезды все так же холодно смотрят на мир с высоты, но впервые холодок страха коснулся моего бесплотного тела. Почудилось, что если не успею вернуться до рассвета, то просто погибну. И что вообще этот полет – почему-то очень опасный полет...

Я замедлил движение, собирался было повернуть, но впереди на фоне темного неба возникло черное пятно, абсолютно черное, зловеще черное, и душа моя съежилась от ужаса и забила в уголок моего призрачного тела.

Пятно быстро разрослось, в воздухе повис огромный воин в рогатом шлеме. Лицо мертвенно-белое, как лунный свет, но глаза вспыхнули, как два горящих угля под порывом ветра. Мне почудилось, что из глазниц посыпались шипящие искры. Воин в тяжелых доспехах, за ним по ветру развевался, как крылья гигантской летучей мыши, черный плащ с блестящими застежками.

– Смертный!.. – гроыхнул воин. Голос его был ужасен, так могла бы заговорить каменная гора. – Ты посмел... ты посмел вторгнуться в мои владения?

Я попятился, но черный воин без усилий держался на том же расстоянии, словно нас связали незримые нити. Я пролепетал:

– Я ничто не нарушил... И никого не трогал...

Воин прорычал:

– И ты думаешь, несчастный, это тебя спасет?

Он потащил из ножен огромный меч. Я смотрел как замороженный. На бледном лезвии засверкали голубоватые искры. Воин взмахнул мечом.

Я видел, что этот призрачный меч сейчас рассечет меня, такого же призрачного, но это будет смерть и тому, не призрачному, что скорчился возле костра...

Я вскрикнул, пальцы сорвали с пояса кинжал, метнулся вперед и всадил острие под левое ребро врага. Над головой раздался страшный рев. На меня обрушилась неимоверная тяжесть, с огромной скоростью повлекла вниз, к темной земле. Ветер засвистел в ушах. Я закричал в смертельном страхе, но не проснулся, сумел вывернуться, взмыл вверх, успев увидеть, как мимо пронеслась вниз и осталась там вершинка сосны.

От темной земли донесся глухой удар. Я поднимался выше, грудь жадно хватала воздух. Руки кое-как попали дрожащим кинжалом в ножны, я с трудом сообразил, откуда я прилетел, и метнулся изо всех сил.

Восточный край неба начал сереть, на земле появилась и разрослась багровая искорка. Бернард у костра, подсвеченное снизу багровым пламенем лицо выглядит жутко. Я успел увидеть, как он поднял голову, посмотрел на восток, прямо сквозь меня, расправил плечи. Свое тело я заметил в двух шагах от костра, жалко скорчившееся, ноги поджаты, край одеяла натянут на голову.

Я успел даже увидеть, как Бернард грубо пнул мое недвижимое тело.

– Вставай!.. Пора.

Я на скорости влетел в свою массу костей и плоти, ударился больно и тут же ощутил безмерную тяжесть, боль в суставах и мышцах, а голову вообще как будто наполнили горячим свинцом. Когда поднял веки, такие тяжелые, глаза сперва смотрели вообще невидяще, потом на красном фоне горящего костра вырисовалась громадная фигура великана со зверским лицом.

Я поспешно поднялся на локте, заставил себя сесть и стряхнуть остатки сна. Великан оказался не таким уж огромным, это всего лишь Бернард.

– В твои годы мне хватало часа, – прорычал он, – чтобы выспаться.

Я сказал виновато:

– Прости, я проспал свое дежурство.

Бернард сразу же отмахнулся.

– Ладно, не благодари. Мне все равно не спится. Но теперь седлай коней. Перекусим на ходу, отсюда надо уходить.

С языка едва не сорвалось, что вблизи я не увидел опасности, потом вспомнил, что это всего лишь сон.

Глава 5

Перед тем как сесть на коней, все встали на колени, молились. Даже принцесса грациозно опустилась рядом со священником, глаза долу, лицо стало строгим и сосредоточенным. Я тоже встал на колени и беззвучно шевелил губами. Молитв я не знал, да и их сейчас даже попы не знают, прислушивался к Бернарду, старый рубака ближе всех, старался запомнить на всякий случай. Вообще-то, никто из этих воинов не просит сокрушить врагов впереди или расчистить дорогу – молитва смахивает, скорее, на обряд самовнушения, ибо каждый просит укрепить его дух, дать силы для бестрепетности, не дать утраститься сил Зла. Есть Бог или нет, но после такого обряда аутосуггестии любой атеист ощутит себя сильнее...

Да, такая молитва не унижает, это, скорее, психиатрия, а не молитва. Я старался запомнить побольше слов и формул, хоть память у меня, естественно, как у любого, кто для легкости пользуется калькуляторами и прочими облегчальниками жизни, – дырявая.

А потом снова проклятое седло, ноги разведены в стороны так, что я ощутил себя князем Игорем в последний час его жизни. Вообще не понимаю, почему двигаемся настолько осторожно. Ланзерот и его воины старались не исчезать из виду, но все же уезжали далеко вперед и в стороны, рыскали, предупреждали о возможной опасности. Повозка тащилась медленно, тяжело, хотя шестеро крупных волов выглядят молодыми и крепкими. День прошел без приключений, остановились задолго до ночи, тщательно устроились на ночь, а костер снова поместили в глубокую яму, чтобы в ночи никто не заметил издали искорку огня.

Бернард отмахивался от расспросов, наконец пробурчал:

– Тебе просто не понять... Ты когда был в церкви последний раз?

Я подумал, что в церкви вообще был только один раз, когда друзья затащили показать это отгроханное безобразие – храм Христа Спасителя, шедевр безвкусицы прошлого, рекорд по дурости и тупости нынешних правителей страны. Мы тогда походили по этому расписанному каменному амбару, поязвили, поязвили...

– Да дело не в посещении церкви, – ответил я дипломатично. – Церковь должна быть из ребер, а не камней или мрамора.

Бернард – воин, морда даже не ящиком, скорее каменный блок из Баальбекской долины, но глаза блеснули остро, понимающе.

– Ну-ну, – прорычал он, – а когда был в самом храме, то как туда попал? Забежал от дождя?.. Или от собак прятался?

Я развел руками. Я простолюдин, потому даже спорить должен смиренно, ведь со мной говорит воин, а воин на пару ступенек выше, ведь здесь различия в Табели о рангах блюдятся очень строго.

– Я ж говорю, – сказал я, стараясь, чтобы голос прозвучал смиренно, – главное – иметь бога в сердце.

– Знаешь, что везем?

– Понятия не имею.

– Мощи святого Тертуллиана!

Я запнулся. Насколько я слышал краем уха, Тертуллиан – один из отцов церкви. Один из тех, кто создавал само христианство. Только неграмотные старушки полагают, что Иисус что-то сделал для религии, на самом же деле он изрек пару прекрасных и совершенно нелепых и нежизненных сентенций, вроде того, что подставь щеку ударившему или возлюби врага, он не оставил ни одного пророчества или хотя бы строчки из «своего» учения, это все сделали его именем энергичные ребята, которых и называли отцами церкви. Одним из этих горячих и умных деятелей был Тертуллиан. А эти ребята, Ланзерот, Бернард и принцесса, каким-

то образом выкопали или где-то украли его кости, и вот теперь мощи Тертуллиана двигаются на новое место жительства. Вот вроде как демократы, что добились перезахоронения Ленина.

Бернард смотрит не просто очень серьезно, а торжественно, выпрямился и благочестиво перекрестился. Я на всякий случай тоже с осторожностью перекрестился, тщательно копируя его движения, ибо помню из истории, что запорожские казаки предлагали всякому встречному перекреститься, и если тот крестился не в ту сторону, то с радостным воплем: «Католик!» рубили на месте.

Похоже, я перекрестился верно, топор Бернарда остался на месте. Серые глаза смотрели пристально, чего-то ожидая, и я сказал:

– А-а-а... А я думал...

– Что думал?

– Ну... думал, что это везете... Ну, такое тяжелое?..

Бернард с отвращением смотрел, как я барахтаюсь в словах, не зная, что сказать, ибо сказать что-то надо, но сказать на самом деле нечего.

– Дурак ты, братец, – произнес он с чувством. – Что, в благополучном мире все такие?.. Давно у вас не был, отвык.

Я возразил, оправдываясь:

– Я полагал, что вы везете что-нибудь... Ну, что-то более...

– Более что?

– Более подходящее, – ответил я. – Если бы вы приехали... скажем, за оружием – тогда все понятно! Вы ж там воюете, значит – оружие покупать в самый раз. Острые мечи, тяжелые топоры, крепкие доспехи. Здесь могут сделать что угодно, а у вас там, наверное, и оружейников нет, одни кузнецы. А кузнец хороший меч не скует, даже я знаю. Кузнецы куют мечи простые...

Я говорил торопливо, убеждающе, но сам чувствовал, что это не звучит убедительно. Бернард кивал, потом спросил неожиданно:

– Значит, святые мощи не могут быть чем-то важным?

Я пожал плечами.

– Разве что для священников. Но войны ведутся мечами.

– Ошибаешься, – обронил Бернард.

– Почему?

– Просто ошибаешься, – ответил Бернард.

– Так объясни.

– Долго, – буркнул Бернард. – Такие вещи объяснить трудно, надо понимать самому.

Он толкнул коня, тот пошел боком в сторону повозки.

Священник почти не показывался из повозки, что и понятно, как же – приобщается к святости. Прямо напивается ею. День и ночь стучит лбом перед мощами, вот-вот днище пробьет. Правда, повозка на влажной земле увязает чуть ли не по оси. Рудольф и Асмер часто слезали, хватались за колеса. Я тоже, хотя мне никто не говорил, но это само собой разумелось, я ж простолюдин, потому я молча хватался за колеса, тащил, волок, подталкивал повозку сзади.

Бернард и Ланзерот озабоченно поглядывали на следы. Я слышал, как Бернард сказал негромко:

– Думаешь, поймут?

– Эти следы надолго, – ответил Ланзерот холодно. – Даже если завтра пойдет дождь, все равно...

Они проехали дальше, Бернард остро посмотрел в мою сторону, я поспешно опустил глаза. Бабушке своей рассказывайте, что везете одни только мощи. Даже если Тертуллиан был великаном и кости занимают всю повозку, то и тогда колеса не оставят такой глубокий след. Разве что кости железные. И гроб из литого чугуна.

Я догнал Рудольфа, поинтересовался тихонько:

– Вы все такие... славные рыцари! Вот только...

Он улыбнулся на похвалу, даже не поправил, что рыцарь в отряде только один, кивнул с видом обожратого медом медведя.

– Что тебя беспокоит?

– Вы четверо – понятно. Как я попал к вам – тоже знаю. Но почему... принцесса? Священник?

Он хохотнул.

– Думаешь, везем выдавать ее замуж? Со своим священником?

– Н-нет, – ответил я скомканно, подумал, что мне такая мысль почему-то неприятна. – Просто не понял...

Он ухмыльнулся:

– А кто бы нам вот так просто отдал мощи святого человека? Даже если принцесса с нами?.. Нет, наш Совнарол неделю уламывал тамошних церковников! Не хотели отдавать, не хотели...

– Но как отдали?

– Наше королевство в опасности, – ответил он, улыбка исчезла, голос посуровел. – И там наконец поняли... Не нас пожалели. Сообразили, что Тьма и силы дьявола придут и по их шкуры. А нам надо успеть привезти, тогда на защиту мощей поднимутся все окрестные бароны! Сейчас они отсиживаются в своих замках. Дурачье, надеются, что беда минует...

Брови сшиблись, глаза стали злыми. Я ощутил, что пора потихоньку в сторону, но не утерпел, спросил напоследок:

– Неужели и принцесса... за мощами?

– Нет, – ответил он совсем недружелюбно. – У нашего короля, благородного Шарлегайла, погиб единственный сын... Сам король плох. Трон опустеет, начнутся свары. Дочь Шарлегайла, принцесса Азалинда, росла в Срединном Королевстве, что-то там изучала. Мы призвали ее, и Ее Высочество изволила согласиться срочно прибыть к отцу. А монастырь святого Тертуллиана был там, в Срединном...

Он пустил коня вперед, я благоразумно отстал.

Господь не позволяет твориться чудесам, вспомнил я каноны христианства. Когда где-то сообщают, что какая-то икона излечивает больных или плачет кровавыми слезами, это всего лишь происки Дьявола. Господь есть Дух, он не вмешивается в дела житейские. Так что кости праведника не могут нести в себе ничего необычного, в них нет той силы, которую им приписывает простонародье, что так и не отошло от язычества, они ничем не смогут наделить тех, кто их защищает или целует гроб, где они лежат.

С другой стороны, если их привезти в город, то он как бы отметится особой благодатью. Дух защитников разыграет, как боевой конь при звуке боевой трубы, а Сатана будет посрамлен. И под знамя короля, в церкви которого святые мощи, начнут стекаться даже те, кто сейчас прячется по лесам.

Внезапно солнце померкло. Я пошатнулся в седле, почудилось, что наступило полное затмение. Лазурная голубизна жалко померкла, стушеввалась, небосвод залила жуткая чернота, и лишь долгие мгновения спустя проступил немыслимо яркий звездный рой. У меня остановилось сердце: голову под топор, но с Земли такого не увидеть! Звездный рой понесся на меня, завертелись галактики...

Я беззвучно ахнул, и тут же все исчезло. Мир залит солнцем, конь идет ровным шагом. Колышется трава, над вершинками стеблей порхают неуклюжие бабочки и проносятся стремительные стрекозы. Но сердце еще сжималось в страхе и непонятной муке, прикоснувшись к чему-то огромному, непостижимому, нечеловеческому.

Лансерот подождал, когда мы подъехали ближе. Высокомерное лицо оставалось ровным и бесстрастным, тем страшнее прозвучало:

– Справа в нашу сторону двигаются человек пятнадцать... Слева – восемь конных. Полагая, одна из птиц над нашими головами не совсем... птица.

Бернарду, чтобы посмотреть на небо, надо лечь на спину, не повел и бровью, Асмер быстро обшарил взглядом небо, сказал с жалостью:

– Уже улетела...

– Сделала свое дело, – буркнул Бернард.

– Я бы попытался достать, – сказал Асмер звонким нежным голосом. – Я тут новую тетиву поставил...

Бернард взялся за рукоять топора, рявкнул:

– Двенадцать с одной стороны, да еще пешие? И всего восемь с другой?

Рудольф сказал возбужденно:

– Надо ударить им навстречу! Сомнем, как... К тому же они не ждут. Уверены, что догоняют убегающих...

Лансерот, бледный и аристократически красивый, сказал холодным металлическим голосом, будто стучал себя кончиком меча по железной груди:

– Но мы в самом деле убегаем! Во Имя Господа, запомните, мы – убегаем!

Я ощутил почти жалость к блестящему рыцарю. Эти люди, порождение Приграничных Королевств, не только не знали страха... нет, страх они как раз знали, но страх им не охлаждал тело, а, напротив, вбрасывал море адреналина в кровь, наливал мышцы силой, а мозг начинал работать в ускоренном режиме. И сейчас все оскалили зубы, рычат, глаза налились кровью, а в руках смертоносные топоры...

Священник выскочил из повозки, закричал:

– Именем Господа!.. Святые мощи!..

Бернард первый совладал с приступом бешенства, соскочил на землю и бросился к повозке, ухватился за колесо.

Мы гнали повозку почти на рысях. Я не думал, что рыцари могут бегать в доспехах, но они еще и помогали тянуть повозку, и все это с такой силой, что повозка не шла, а летела. Я тоже крутил колеса, если она пыталась застрять, а в остальное время бежал следом, упираясь руками.

Принцесса пересела на одну из запасных лошадей, у нее была любимая, почти красная, с огненной гривой и рассыпающим искры хвостом, и теперь принцесса то и дело проносила мимо, раскрасневшаяся, глаза возбужденно горят, в руках арбалет, настоящий, не такой игрушечный, как у Лансерота...

В такие минуты я начинал толкать повозку так, что она едва не давила бегущих впереди волов. Лансерот носился, как коршун, кругами, частый стук копыт его коня грохотал в моей голове, как камнепад.

К счастью, небо затянуто серыми тучами, потом потемнели, нависли едва не над самыми головами. Птицы попрятались, начал накрапывать мелкий гадкий, совсем не летний дождик.

Впереди разрастался лес. Мы смотрели с надеждой, блестящая фигура в доспехах нырнула под зеленые ветки, надолго исчезла. Бернард тащил и толкал повозку рядом со мной, он первый вскрикнул:

– Там пусто!.. Прекрасно...

В голове уже не камнепад, а ядерные взрывы. Задыхаясь от жары, я кое-как сообразил, что нахлынувшая со всех сторон тьма не тьма, а сумерки леса, мы уже под сенью, а сень – это сомкнутые над головой в несколько этажей зеленые кроны разбросавших во все стороны ветви деревьев. Ветви переплелись, сверху не то что не углядеть, но и сбрось с неба камень, он пробьет пару слоев ветвей, потом неизбежно зависнет в этом зеленом плотном месиве...

Повозка остановилась под сенью могучего дуба. Рудольф и Асмер распрягли волов, Бернард принялся разводить костер. Мелкий гадкий дождик усилился, мы слышали, как наверху шелестит, будто сто мириадов крупных муравьев вылезло из дупел и стрижет листья, но земля сухая, ни одной капли не удалось пробиться через многослойный зеленый панцирь.

Мокрые от собственного пота, мы едва сумели пообедать, на что ушли последние ломти хлеба и сыра. Ланзерот пообещал подстрелить оленя, кабана или хотя бы зайца. Бернард проворчал, что до этого еще нужно дожить. Хотя летние ночи коротки, но на этих землях уже нет твердой власти короля Алексиса, а шайки сил Тьмы забираются и гораздо дальше этих земель...

Я содрогнулся, помнил тех жутких тварей, которых убил. Бернард бросил короткий взгляд:

– Сильно озяб? Это от усталости. Поспи, ты трудился, как никто другой.

– Спасибо, – прошептал я.

В самом деле чувствовал, что мясо сползает с костей, а суставы распухли, как у старика, и жутко ноют.

Голова коснулась седла, и почти сразу же увидел сон. Даже не сон, а смесь обрывков сна, когда над головой грохочет голос огромного существа, что-то предрекает, повелевает, а я, как муравей, прячусь под листком, то без всякого перехода скачу на коне через реку по мелко-водью, то лежу у костра, а некто темный, пряча лицо в тени, неслышно скользит мимо, кинжал в руке...

Я порывался крикнуть, поднять всех на ноги, но язык прилип к гортани. Пытался ухватить неизвестного за руку с ножом, но тело не слушалось. А тот, пряча лицо, наклоняется над каждым, выбирает, с кого начать резню. Я чувствую, что знаю, кто это, догадываюсь, но все же увидеть бы лицо...

Проснулся среди ночи с бешено колотящимся сердцем. Над головой страшное звездное небо, от ямы с багровыми углями поднимается горячий сухой воздух. В тишине слышно, как фыркнул конь, вздохнул.

Я опустил голову, но сон так и не вернулся. А я до утра мучительно пытался вспомнить, кого напомнили движения неизвестного. Не подсказка ли раскрепощенного подсознания, что среди нас в самом деле враг?

На рассвете быстрый подъем, молитва, короткий завтрак – и снова изредка помукивающие волосы покорно тянут повозку, а мы едем по сторонам, бдим, в готовности к схваткам.

За долгий переход солнце накалило спину, будто висит надо мной в двух-трех метрах. Затылок уже как сковородка на газовой горелке, пот стекает по шее такими струями, будто меня поливают из лейки. Плечи и спина зудят, словно их грызли большие красные муравьи. Далеко впереди маячит прямая спина Ланзерота, он на своем белом коне двигается через раскаленный полдень, как сверкающая глыба льда.

Я воровато огляделся по сторонам, руки сами торопливо взъерошили мокрые волосы. Даже при полном безветрии чувствуешь себя легче. Вкрадчивый голос сразу начал нашептывать, что хорошо бы снять и эту грубую рубаху из толстой, как мешковина, ткани, как хорошо бы ехать обнаженным до пояса, а то и вовсе плюнуть на все и лечь в холодке, вот там под дубами что-то блеснуло, явно ручеек с холоднющей водой, а мы, дети раскрепощения от всего, привыкли себе ни в чем не отказывать...

Я вздохнул, привстал в стремях, осмотрел окрестности. Не пристало воину Христа, как здесь говорят высоким штилем, слушать шепот мелкого беса. Поддаться желаниям – услужить силам Тьмы, пусть в малом. Падение начинается с крохотного шажка... и все такое. А я хоть и простолюдин, но тоже воин Христа, ибо в этом мире все воины, время такое. Дивно,

что еще не встретили ни одного грандиозного костра с вопящей на нем ведьмой. По школьному учебнику их сжигали на каждом шагу пачками.

Зной доводил до исступления, но я, дитя все-таки более стойкого века, нашел спасительную лазейку в собственной гордости. Не гордыне, а гордости: не поддамся слабости, буду делать и поступать так, как надлежит человеку третьего тысячелетия... который если сам не истязал себя в лагерях по выживанию, то хотя бы видел это в фильмах, а это уже что-то: тем ребятам приходилось намного хуже, чем здешним рыцарям.

Я заметил, что Бернард дважды украдкой оглядывался, делая вид, что озирает окрестности, однажды поймал внимательный взгляд Рудольфа. Не знаю, что обо мне думают и думают ли вообще, но я не выпаду на их глазах из седла, буду делать «как надо», а не «как хочется», что свойственно простым людям здешнего мира и всему человечеству в моем.

Волы тащат повозку тяжело, с натугой. От усталости хвосты едва подергиваются, нет сил шлепать обнаглевших слепней. Все заметно устали, даже принцесса не показывается из повозки.

Только Ланзерот все такой же ровный, надменный, с холодным бесстрастным лицом и отвратительно выдвинутой нижней челюстью. Я подумал ревниво, что рыцарь всегда помнит, что он один из самых знатнейших, его имя знают, на него смотрят, с него берут пример. Что простительно простолюдину или даже сойдет простому рыцарю, для него, Ланзерота, это тяжелый удар по чести и достоинству. Так что ему нельзя расслабляться, балдеть, оттягиваться. Вообще-то жуткая жизнь... если не предположить совсем уж дикое, что ему как раз и нравится вот это напряжение, что в этом и есть для него самый кайф, в этом его личный балдеж и расслабление...

Но я слежу за ним украдкой и вижу, что Ланзерот просто не показывает виду, что его тревожит, подобно Бернарду, эта зеленая равнина, эта высокая сочная трава, эти редкие рощи могучих деревьев. Издали вся долина ровная, как обеденный стол, но на самом деле в изобилии заросших травой и кустарником старых оврагов и балок. Там можно спрятать целое войско. Не заметишь, пока твой конь не наступит на пальцы затаившемуся воину.

Впереди трава чуть колыхнулась, рука Ланзерота дернулась к арбалету. Прекрасная высокая трава, сочная и зеленая, хороший корм для коней, но и прекрасное укрытие для лазутчика.

Ланзерот внезапно обернулся, вскинул руку. Я обратил внимание, что рыцарь сжал кулак. Бернард тут же начал слезать с коня. Понятно, наш блистательный рыцарь подал знак взять коней под уздцы, даже мне ясно.

– Здесь должна быть деревня, – сказал Бернард хмуро. – Подумать только, всего лишь три года я проезжал здесь по улице, полной народу...

Я огляделся. Да, здесь когда-то жили, вон камни очагов, но жесткая трава уже пробилась даже из трещин утоптаных тропинок, на месте бывших огородов бурно разрастаются колючие кусты, а там, где был сад, жестоко вырубленный неизвестной силой, яблоньки и груши поднимаются уже дикие. Плоды будут мелкие и горькие...

– Но место хорошее, – заметил Бернард.

– Привал, – коротко распорядился Ланзерот.

Волы втащили повозку в тень огромного дуба. Дуб гигантский, картинный, в три обхвата, удался высокий, хоть и на просторе, а уж ветки раскинул так, что под ними разместятся десять таких отрядов, как наш. И от жары, и от дождя спасет. Земля утоптанная, чистая от травы. Явно здесь на сваленных бревнах сидели старики и молодые, устраивали колхозные собрания, проводили народные гулянья, кулачные бои и божьи суды, жгли под лузганье семечек колдунов и ведьм.

Я слез с коня, топтался на месте, не зная, что делать. Ланзерот подвел к Бернарду в поводу уже расседланного коня. Шлем рыцаря снял, ветер с трудом шевелил взмокшие, слипшиеся волосы.

– Не то беда, – сказал он резко, – что деревню сожгли!.. И что жителей убили или увели... Хуже то, что здесь никто не селится.

Вообще-то мне, как человеку, признающему все права личности и сверхценности человеческой жизни, возненавидеть бы рыцаря за такую жестокость и равнодушие к убитым, но с другой стороны – людей на планете уже столько, что как-то не жалко, если пару сел или даже городов слизнет вулкан или землетрясение. А Ланзерота тревожит более важное. Если не селятся, значит, здесь уже опасно. И не просто для нас, везущих мощи святого Тертуллиана, такой опасностью этот блистающий герой с выпяченной челюстью пренебрегает, к тому же всегда готов умереть с мечом в руке... а опасно вообще для края, для этого королевства. Похоже, эти земли все больше попадают под власть или влияние сил Тьмы. А добрым христианам, как вот ему, Бернарду и – особенно принцессе! – здесь не выжить...

Ланзерот вытер лоб платком, только у него отыскался платок, шлем беспечно блестел на луке седла. Бернард расцепил пряжку плаща, хотел забросить на седло, но решил, что коню сейчас и собственные уши в тяжесть, швырнул на растопыренный куст. Там затрещало, куст осел, жалуясь.

Ланзерот сказал прохладным голосом:

– Я пройду до конца рощи.

– Да там подходы паршивые, – сказал Бернард. – Завалы, камни...

– Это для коней паршивые, – ответил Ланзерот. – А человек – такая тварь...

– Не опоздай к ужину, – ответил Бернард.

– Когда ты у котла, – отмахнулся Ланзерот, – всегда оказывается, что я опоздал на сутки.

Рудольф и Асмер быстро набрали сучьев для костра, принцесса начала выбивать огонь. Я подивился, полагал в наивности по прошлому разу, что это делают только мужчины, хотел предложить свои услуги, не женское дело бить тяжелым кресалом по огниву, но вовремя вспомнил, что с моим гуманитарным образованием только в прометеи, ушел к ручью и с наслаждением влез в ледяную воду. Почудилось, что струи вскипели вокруг потных раскаленных ног. Глубина всего до колен, я лег, ухватившись за камни, чтобы не сносило, тут же появились мелкие рыбки, стали жадно пощипывать кожу, срывая лохмотья, драгоценные крупинки соли.

От наслаждения я даже закрыл глаза. Но, когда, продрогнув, начал вылезать из ручья, в десятке шагов из-за деревьев вышли мужчины. Шестеро, бородатые, в лохмотьях, с угрюмыми злыми лицами. Они не спешили, не бросились, просто начали сразу расходиться в стороны, охватывая дуб полукругом.

Сердце мое затрепыхалось, как рыба на разделочном столе. Ланзерот ушел осматривать рощу, Асмер и Рудольф на охоте. Принцесса и священник в повозке, здесь только мы с Бернардом. Но и Бернард снял доспехи, оружие. А у них за поясами ножи, в руках зловещего вида топоры. У одного из-за спины выглядывают лук и оперенные концы стрел.

Передний из незнакомцев сказал почти дружелюбно:

– У вас, я вижу, что-то есть пожрать?.. Отойдите от мешков. Разденьтесь и уходите. Мы не тронем.

Бернард сказал угрюмо:

– С чего это вы такие добрые?

Мужик ощерил в улыбке широкий рот с гнилыми желтыми зубами.

– Погода хорошая. В плохую погоду мы злее.

Бернард выпрямился.

– Славный мир создал Господь, – ответил он. – И дал ему хорошую погоду. Потому идите своей дорогой с Богом. Я вас отпускаю.

Улыбка на лице вожака стала напряженнее. Он сунул пальцы за пояс, совсем рядом торчит рукоять ножа.

– Почему ты такой грубый? – спросил он укоризненно.

Бернард ответил так же небрежно:

– Потому что я видел таких, как ты. А вот ты подобных мне еще не видел.

Вожак сказал успокаивающе:

– Я же сказал, мы вам ничего не сделаем.

– Потому что не сможете, – отрезал Бернард. – Вы мне надоели. Даже Господь долго терпит, но потом больно бьет. Убирайтесь!

– Что с тобой? – спросил вожак.

– Я не так терпелив, как наш Господь, – отрубил Бернард.

Вожак облизнул внезапно пересохшие губы. Его соратники начали поглядывать на него выжидающе. Но он колебался, не понимая, что за спокойствие в этом крупном немолодом человеке. Парень, что выглядит здоровым и крепким, это обо мне, явно нервничает, вон покрылся весь испариной, а этот спокоен, чересчур спокоен...

– Где твой меч? – спросил он.

Бернард буркнул:

– Ты еще не понял? Чтобы справиться с вами, мне меч не понадобится.

Вожак впился взглядом в его лицо, стараясь увидеть признаки страха или неуверенности. Все-таки их шестеро против двоих. Шестеро вооруженных против двух безоружных. Но этот чересчур спокоен, словно в его власти разом оборвать их жизни. Может быть, это какой-то странствующий колдун?

Я в изумлении видел, как толстые губы вожака раздвинулись в примирительной усмешке.

– Ты прав, – сказал он, – мир прекрасен! Нехорошо в такой светлый день причинять другу другу неприятности... Мы уходим.

Я перевел дух. Вожак повернулся, явно доверяя Бернарду свою спину, сделал шаг-другой...

– Дик! – взревел Бернард.

В мою сторону метнулись двое с поднятыми мечами. Сам Бернард словно исчез, затем там завертелось, послышались крики, звон металла, но я видел летящее в мое лицо острое, метнулся в сторону, закричал по-заячьи, кого-то сшиб, в плечо больно кольнуло, сильный удар по черепу высек искры из глаз. Я кричал, размахивал кулаками, бил, а потом сквозь красный туман услышал брезгливое:

– Перестань!.. Не по-христиански глумиться над мертвыми.

Я тряхнул головой. Тело сотрясала крупная дрожь, зубы стучали. Двое на земле с вывернутыми шеями, у одного голова треснула, как спелая тыква, но оттуда вытекло столько крови, что мой желудок начал подниматься к горлу.

– Сильно ранило? – спросил Бернард.

Я осмотрел себя дикими глазами. На боку распорота рубашка, из длинного пореза сочится кровь. Второй порез на плече, но лезвие лишь срезало клочок кожи. В голове все еще звон, словно угодили по ней камнем. Пальцы нащупали быстро растущую опухоль.

Бернард тяжело дышал, в глазах бушевало пламя. Но он цел, в руках два чужих меча, а за его спиной четыре тела. Один стонал и все пытался приподняться.

Убедившись, что мне ничто не угрожает, Бернард вернулся, деловито наступил на горло раненому, я услышал хруст, будто трескала яичная скорлупа. Я потащился обратно к ручью, долго смывал кровь свою и чужую, прикладывал мокрую рубашку к голове. Боль постепенно утихла, но шишка осталась громадная, и еще я догадывался, что принцесса увидит меня с громадным безобразным кровоподтеком.

Ланзерот, вернувшись, взглянул в мою сторону недобро, поморщился. Я слышал, как он велел Бернарду:

– Все, от повозки больше ни на шаг.

Бернард возразил:

– Да это случайные бродяги!.. Увидели, что нас двое, решили пожить. Это не люди Той Стороны, точно!.. Даже Дик вон сумел двоих заломать голыми руками. Станный он у нас...

– Это не люди Тьмы, – согласился Ланзерот. – Но они прекрасно понимают, что перехватить нас вслепую – это искать иголку в стоге сена. Зато могли нанять десятка два разбойничьих шаек. Вообще пустить слух, что везем несметные сокровища! И сообщить наши приметы.

Бернард сказал бодро:

– Побьем. Но ты прав, рука устанет всех... Да и след потянется...

– А кого-то могут все же ранить или убить, – закончил Ланзерот жестко. – Тем временем настоящие враги нападут на след... Так что, Бернард, давай лучше считать, что напали не случайные разбойники.

Бернард поднялся.

– Ладно, – ответил он со вздохом. – Господи, и это в мирных землях!.. А что за перевалом?

Я с похолодевшим сердцем смотрел вслед. Что я странный – нехорошо. Сплоховал. Ведь я по своему статусу должен был броситься первым расседлывать коней, таскать хворост, стараться услужить господам, а я сразу в ручей плескаться, как будто это я принцесса. Да тут и принцессы моются только по большим праздникам. Хуже того, мне никто ничего не сказал. Как будто и они считают меня казачком-то засланным. Причем паршиво засланным.

Я пугливо взглянул в сторону тел. Рудольф, явившись первым, быстро оттащил всех в ближайшую низинку, забросал хворостом. Остались только широкие лужи крови, но даже принцесса не обращала на них внимания.

Понятно, эти повозочники – вроде элитных командос, а разбойнички – это первогодки... нет, даже куча подвыпивших слесарей, у которых вообще не бывает шансов против профи. Вообще, если вспомнить всех этих Ахиллов, Зигфридов, Добрынь, Сосланов и прочих пандавов, то получается, что и тогда были элитные войска и простые, были герои для особо важных заданий и герои попроще, вроде нынешнего ОМОНа.

Но и я, гм... Мое счастье, что здесь до акселерации еще века. Даже вожак, самый крупный из разбойников, ниже меня на голову, а весит не больше двух пудов. Скорее, меньше. А во мне все-таки восемьдесят пять кило. Не мускулов, я ж не спортсмен, но и не жира...

Я смывал кровь и слюни с одежды, но трясло меня не от ледяной воды. Хорошо, что остаются в мирной деревне, как только минуем земли герцога... Пожалуй, уже миновали, здесь королевства не крупнее московского микрорайона, но лучше пройти земли и его друзей-соседей.

Бернард у костра чинил седло. Под его весом оно вообще могло превратиться в желе, но пока лишь обрело форму лепешки. Коровьей.

– Спасибо, – сказал я. – Как ты понял, что они... не передумали?

Он хмыкнул, глаза неотрывно следили за стежками крупной иголки. Помню, у нас их зовут цыганскими.

– Дик, – ответил он благодушно, – ты жил хоть не в тесном каменном городе, а в малой деревне... так ведь?.. но ты все равно глух и слеп. Ты не видишь, что вон там в кустах затаилась лиса... Боится нас, но уйти не может, под веткой лисенок, еще дурной, не понимает, что надо сидеть тихо. Прямо под нами крот наткнулся на корни, грызет... Толстый крот, матерый! Слева косясь, не слышишь? Если пойти по запаху, то через сотню шагов наступишь ей на голову, спит в кустах, набегалась. А не чувствуешь, какие летучие мыши над головами? Не мыши – коровы с крыльями!

Я прислушался, но едва-едва уловил какой-то странный хруст, что никак не мог быть шелестом кожистых крыльев.

Бернард усмехнулся.

– Жуку не повезло.

Глава 6

Мы тащились день за днем, избегая стычек, но, когда избежать не удавалось, забрасывали ветками трупы и ехали дальше. Иногда священнику удавалось настоять, чтобы хоронили «по-христиански». То есть в земле рыли могилу, священник читал что-то из своей книги, мы все бросали по горсти земли в яму на трупы, как будто прощались с родственниками.

Меня однажды сильно поцарапало, но, оказывается, принцесса умеет врачевать... весьма и весьма, как сказали бы у нас, нетрадиционными способами. Приложила к ране ладони, пошептала что-то совсем не церковное, кровь отхлынула от ее лица, а голос потерял звонкость, но, когда убрала пальцы, на месте косого пореза остался багровый шрам.

Бернард на всякий случай сказал мне строго, чтобы я ничего такого не думал, священник тоже умеет точно так же, а это значит, что у принцессы это умение с учением церкви ничуть не расходится.

В начале второй недели на горизонте выступила горная цепь. Разрасталась очень медленно, но все же пошла вширь, на вершинах днем наблюдался блеск, будто нас рассматривали в бинокли. «Снежные шапки, – сказал я себе. – Всего лишь снежные шапки».

А мы пока что двигались по редкой красоты долине. Деревья гнутся под тяжестью плодов, в ручьях и озерах тесно от рыбы, а дорогу то и дело пересекают стада оленей, свиней, коз. В кустарниках гнездятся оравы птиц, толстые гуси безбоязненно переходят дорогу прямо перед конскими копытами.

Я в восторге смотрел по сторонам, в зоопарке такое не умотришь, но Бернард хмурился, брови постоянно сдвинуты. Я видел, как он нюхает воздух, вскоре и сам уловил запах гари. Ланзерот, конечно же, впереди, на вершине пологого холма придержал коня, выбирая дорогу, махнул рукой.

За лесом столбы дыма. У меня стиснулось сердце, будто я временами переставал быть человеком третьего тысячелетия, который в городских новостях видит репортажи с места событий, где разбиваются машины, из груд металла выволакивают окровавленные тела, из горящих домов выпрыгивают люди и на глазах зевак разбиваются об асфальт...

Миновали лес, взгляду открылось зеленое поле. Пшеница еще не созрела, пожар коснулся только с краю, но на месте домов либо чернеют головешки, либо развалины очагов. Я робко предложил проехать прямо через деревню, вдруг да поможем чем-то погорельцам, хоть мы и не МЧС, на что Бернард посмотрел хмуро, спросил:

– Ты что, совсем дурак?

– Н-не знаю, – ответил я растерянно.

Но даже с дороги, что вела мимо деревни, я увидел такое, что сердце сжало, а горло перехватило. Между домами, а то и прямо в черной золе развалин – трупы, трупы, трупы. Почти со всех сорвана одежда, видать разбойники такие же бедные, или же уцелевшие крестьяне собирали все, что могли.

Я не мог видеть даже на расстоянии обнаженные тела, отворачивался. В кино, играх и даже в городской хронике все выглядит красивее или незначительнее. Из повозки высунулся священник, прокричал:

– Мы поступаем не по-христиански!

– Господь нас простит, – ответил Ланзерот благочестиво и осенил себя крестным знаменем.

– Мы должны остановиться! – крикнул священник. – И похоронить!

Повозку немилосердно трясло, он ухватился обеими руками за края и даже уперся лбом, чтобы не вывалиться. Лицо было обозленное и жалкое.

– У нас есть другой долг, – отрезал Ланзерот.

Остальные промолчали, только Бернард буркнул:

– Они уже мертвы. Там лишь брэнная плоть. Души либо в аду, либо в чистилище. Вон даже Дик согласен... Дик, ты что молчишь? Или ты язычник?

Я сказал торопливо, понимая, какое для них это имеет значение.

– Нет! Какой из меня язычник...

– Да сейчас уже трудно понять, – ответил Бернард непонятно, – кто есть кто на этом свете.

На привалах я первым бросался собирать хворост, а потом мы все ели жаренное на углях мясо. Только священник, как я заметил, никогда не подходил к костру, не сидел, заворуженно глядя в огонь, не подбрасывал хворост, не тыкал прутиком в багровые угли, заставляя искры с веселым треском устремляться к небу. Перед сном он обычно сидел у повозки и, упершись спиной в тележное колесо, читал толстую потрепанную книгу, пока не наступала ночная тьма.

Я, помня, что человек с улыбкой нравится всем, часто улыбался, делал лицо открытым и бесхитростным, даже угрюмый Бернард в конце концов подобрел и удостаивал меня коротких бесед, но священник при очередном контакте на привале уперся в меня твердым и острым, как наконечник рыцарского копья, взглядом.

– Изыди!.. Их ты обманул, но меня не обманешь! Твоя душа подобна колодцу, наполненному гадами!

Я передернулся, спросил жалко:

– Так уж и гадами... Что там, тьма?

Он отодвинулся брезгливо, забормотал молитву, осенил меня крестом, а когда заговорил, я уже видел, что он ни за что не переступит черту, разделяющую нас.

– Бездна тьмущей тьмы... Провалы ада, леденящее поле отчаяния... и клубки змей, отвратительных гадов, всевозможной скверны и мерзости!..

Я пробормотал:

– Святой отец, это чересчур образно...

Но он так махал руками и непрестанно молился, что я повесил голову и вернулся к костру. Совсем недавно считали, а здесь и сейчас явно считают, что к спящим в поле в рот может заползти ящерица или мышь, в желудке вывести потомство. Или даже заберется змея и выведет змеенышей. Думаю, кто-то придумал специально для храпунов, спящих с открытыми ртами, а потом привилось и выросло в стойкое поверье. Но в этом случае священник говорит о душе. О Фрейде старик не знает, тем более – про атомарную структуру всего сущего, в том числе и души, если это понятие в самом деле имеет под собой некую почву.

«Символисты», – мелькнуло в голове. В Средние века мыслили и даже видели символами. Я сам встречал в школьном музее серьезные карты для моряков, где ветры изображены в виде толстых морд с надутыми щеками, север и юг, – свирепого вида дядями, только северный – с сосульками на бороде и усах, а южный – смуглый и кудрявый с золотой серьгой в ухе... Мою душу отшельник углядел в виде колодца, но вообще-то как в воду смотрит: я в самом деле чувствую там бездны мрака, отчаяния, там ледяные просторы космоса, что вне меня и внутри меня, там грызущие меня изнутри ядовитые гады, а также пауки, скорпионы и прочие жуки-дровосеки, которых отшельник не углядел из-за слабости зрения, ибо этот мир не знает даже очков, не говоря уж про контактные линзы или коррекцию по Федорову.

Я спал как убитый, но среди ночи раздался скрежещущий звук. Я проснулся, весь дрожа, сердце колотилось часто-часто. Несмотря на холодную ночь, пот выступил на лбу.

Перед костром, освещенная красным пламенем, стояла долговязая фигура. Обе руки вскинута к темному небу, в одной зажато нечто сверкающее. Я суетливо протер глаза.

Скрежещущий звук раздался громче, я вслушался, это всего лишь был вопль нашего священника:

– Вставайте!.. Вставайте все!.. Я чувствую... приближается беда!

«Мать, мать, мать», – выговорил я злобно в духе поручика Ржевского, только с большим чувством. Новость, видите ли, – беда! Да мы завязли в этой беде, как в средствах СМИ. Тоже мне пророк...

Но из темноты появлялись и тут же пропадали люди с таким же холодным блеском в глазах, на руках и на теле. Но только они обвешаны совсем не крестами.

И вот я уже снова в седле, всматриваюсь, вслушиваюсь. Бернард обронил, что эти земли отвоевали у нечисти всего лет сто назад. Я почти видел, как это происходило. Семья отважных переселенцев двигалась при свете солнца, на ночь отгораживаясь заклятиями и святыми молитвами, отыскивала хорошую землю, спешно строила укрепления, засеки, рвы...

Одной семье с такой работой не управиться, потому двигались обычно группами, вместе строили защиту от нечисти, а уж потом рубили дома, распахивали земли под пашни, переносили свои укрепления дальше, чтобы обезопасить пастбища, луга. В эти времена приходилось отбиваться от мелких бесов, от слабой погани и нежити, а когда забредал какой странствующий гoblin, он не мог устоять против дюжины решительных мужиков, которые, кроме вил и кос, умели прекрасно управляться с боевыми топорами и мечами. А тем временем пашни давали прекрасное зерно, коровы приносили по два теленка, а поселенцы то один, то другой находили клады. Кое-кто сразу же установил торговые отношения с местным народцем гномов или горных рудокопов, быстро обрастал золотишком, щеголял с драгоценными камнями на лопате, а эти камни могли бы украсить королевскую сокровищницу.

Слухи о найденных богатствах доходили до старых мест, и вот уже новые поселенцы двигаются на богатые земли. Деревня разрастается в село, а то и в город. И вот такая добыча привлекает нечисть покрупнее и помощнее. Появляются огры, баньши, а то и драконы. Город вынужден искать новые средства защиты, да и самому нужен простор, простор...

Я смотрел на остатки земляных валов, на полузасыпанные ветром исполинские рвы. Там на глубине в два-три роста явно захоронены остриями кверху обломки кос. Раньше они в самом деле блестели при лунном свете, и горе тому великану, что пробовал подойти к городской стене... А вот там что-то блестит, словно на камне пробовала расцвести белая ромашка... Явно арбалетная стрела с серебряным наконечником ударила с такой силой, что мягкий металл расплескало, словно птичье яйцо. Чуть дальше каменный остов часовни, кто же поставит на отшибе, еще дальше – следы от сгнившей сторожевой будки...

То и дело под копытами хрустят кости. Я присмотрелся, по большей части – человеческие. Целых мало, на многих следы топоров, мечей, молотов. Я горько усмехнулся, покосился на Бернарда, но смолчал. Нечисть, как я слышал, орудует зубами да когтями. Иногда еще колдовать умеет, морок напускать, ядом да всякими чарами пользуется, но когда я вижу следы от рыцарского меча, то не надо мне про нечисть с окровавленными клыками. Знаем мы эту нечисть.

Несмотря на то, что все на конях, двигались мы со скоростью пешеходов. Очень неторопливых пешеходов. Раньше мне казалось, что если уж конь, то обязательно в галоп, ветер навстречу, раздирает рот и выдирает волосы, грохот копыт и летящий горизонт навстречу...

Ехали шагом из-за повозки. Волы вскачь не обучены, да и сами кони, как вскоре я вспомнил, намного слабее человека даже в беге. Человек и быстрее коня, и намного выносливее, как показали первые Олимпийские игры, когда бегунов послали сопровождать всадников на отборных конях, но те вскоре захрапели и отстали от бегунов.

Я сперва опасливо вертел головой, на таких черепах, как мы, только зайцы не станут охотиться, нас перехватить – раз плюнуть, потом вспомнил, что противники тоже не на «шестисотых» «мерсах», в этом мире у всех у нас одинаковые мечи и одинаково скоростные кони, так что шансы равны, если не считать, что противника просто побольше...

Я еще не знал, насколько жестоко я ошибаюсь.

Повозка тащилась медленно, оставляя глубокие следы. Я уже овладел иноходью, рысью, даже при полном галопе умел управлять конем одними коленями, учился бросать в воздух топор и ловить за рукоять. Ланзерот смотрел равнодушно, Бернард бросал одобрительные замечания типа: «Бросай выше!», «Скачи быстрее!», – еще чуть-чуть и услышу что-то вроде: бери больше – бросай дальше, а пока летит – отдыхай вволю, – но больше всего мне хотелось, понятно, чтобы мою удачу заметила принцесса.

Дорога вышла из леса и долго тянулась вдоль опушки. С другой стороны вместо зеленого поля на этот раз тянулись виноградники. Домиков я не углядел, везде только ровные зеленые холмики виноградных лоз, где из-за листьев то и дело выглядывают крупные гроздья сочных виноградин.

Ехали почти до вечера, и все время тянулись эти ряды виноградных лоз, но нигде сборщиков винограда, телег с наполненными корзинами, нет винодавилен, винокурень, сараев с огромными сорокаведерными бочками...

Потом увидели, как из-за ближнего леса поднимается черный дым. Совсем недавно никакого дыма, значит – загорелось недавно. Ланзерот повернул коня, Бернард выхватил топор, прокричал:

– Асмер, Рудольф! От повозки – ни шагу!

Я толкнул коня пятками в бока, ибо шпоры в этих мирах, я слышал, полагаются только рыцарям, в ушах засвистел ветер, но сам я держался за спинами блещущих железом Ланзерота и Бернарда. Зверь подо мной чересчур боевой, я же в драку не рвусь, в моем мире уже привыкли искать компромиссы, консенсусы, а то и научились расслабляться для получения удовольствия поневоле.

Деревья ушли в сторону. На той стороне рощи горели повозки переселенцев, трупы по всей дороге, к ближайшим деревьям ползет человек. За ним кровь и... я позеленел, увидев длинные кишки из вспоротого живота.

Ланзерот и Бернард помчались было в сторону пыльного облачка. Туда явно уходят насильники, затем начали притормаживать коней, а я сразу увидел чудовищную тварь, какую и в ночном кошмаре не увидишь, – сидит по ту сторону одной из телег, наполовину скрытая стеной дыма, и жадно пожирает человеческое тело.

Я человек консенсусов, а завидя впереди драку или даже пьяную компанию, благоразумно обойду стороной. Но сейчас я заорал, повернул коня и ринулся через стену дыма. Конь взвился в воздух, долгое мгновение мы летели через удушливую гарь, затем яркий свет, жуткая крылатая тварь... Она мгновенно вскинула голову и оскалила зубы. От мерзкого писка по коже пробежали пупырышки.

Я хотел прыгнуть, но просто свалился с коня, одной рукой ухватил за горло, не давая страшным зубам впиться в лицо, другой обхватил за основание кожистого крыла и рванул на себя. Тварь бешено извивалась, я чувствовал, что не удержу, выпустил шею, обеими руками перехватил за спину и сдавил изо всех сил. Треснуло, затрещало. Сильная боль в плече, но крылатый зверь трепыхаться перестал. Сверху прогремел разъяренный голос Бернарда:

– Ты что делаешь, дурак?

Крылатый зверь остался, я поднялся, отступил. Тварь вся в коричневой шерсти, голова с собачью, с вытянутым, как у павиана, рылом. Из раскрытой пасти хлещет кровь, зубы блестят, как алмазы. На прижатых к брюху лапах когти в красном. Я наконец пощупал живот, рубашка в лохмотьях, на пальцах осталась кровь.

Подъехал Ланзерот.

– Он сделал, – сказал он Бернарду отстраненно, – что мог. Разве ты учил драться?

Взгляд Бернарда был полон осуждения.

– Но... голыми руками! Он что, пьяный мужик?

Ланзерот заметил:

– Ну, пьяный мужик и курицу не задавит.

Дорога повела его по опушке леса, в одном месте Ланзерот взглянул на помятый куст, натянул поводья. Его взгляд метнулся поверх веток, я услышал властный голос рыцаря:

– Выходите! Мы не враги.

Ветки раздвинулись, вышла женщина с двумя детьми. Мальчик смотрел на всадника исподлобья и с ненавистью, а девочка заревела и пыталась спрятаться матери под подол. От леса простучали копыта. Рыжий конь принцессы неся, как яркая сказочная птица. Женщина инстинктивно попыталась закрыть детей, но принцесса в одно мгновение спрыгнула, порывисто обняла женщину, присела на корточки перед детьми.

Бернард проехал вдоль догорающих повозок. Массивные плечи опустились под незримой тяжестью. Голос старого воина был хриплым от горечи:

– Сволочи... Они не только всех убили, но еще и глумились. Над женщинами так вовсе...

Он развернул коня, глаза полыхали яростью. Принцесса подняла голову, в глазах был немой вопрос.

Бернард покачал головой.

– Детей туда не стоит. Даже если... если они и так все видели. Да и вам, ваша светлость, не стоит.

Я едва не разорвался от сочувствия, ибо прекрасные глаза принцессы наполнились слезами.

– Бедные дети, – прошептала она.

Девочка прижалась к ней доверчиво, принцесса обняла ее, другой рукой привлекла к себе мальчишку. Женщина всхлипнула.

– Откуда берется эта нечисть, ваша светлость? Отродясь такого не было!

Я оглянулся на тварь, волосы зашевелились и поднялись. Нахлынул запоздалый страх. Руки тряслись, я все вытирал ладони об одежду. Это не мои войны... Я не человек драк и скандалов. Просто... я уживчивый человек. Я пью с людьми, с которыми не люблю пить, пью то, что мне отвратительно, веду себя так, как принято, говорю то, что надо говорить... Но, похоже, это относится не только к московским тусовкам. Здесь я того, гм, «как все»...

Из-за поворота показалась наша повозка. Рудольф хлестнул коня и поскакал вперед, а Асмер настегивал волов. Ланзерот проехал вдоль горящих повозок. Бернард оглядел меня с головы до ног, буркнул:

– Асмер, посмотри, что у него с пузом. И в плечо гарпия его успела, успела...

Асмер, не слезая с коня, хозяйски повернул меня, оглядел, хлопнул по здоровому плечу.

– Царапины... А как она издохла?

– А вот этот... этот ее просто задушил в объятиях.

– От нежности? – переспросил Асмер. – У тебя крепкие руки, парень...

Они переглянулись с Бернардом. Подкатила повозка, Асмер сочувствующе развел руками:

– Новые рубахи не везем. Придется заштопать эту.

Бернард окинул меня хмурым взглядом.

– Так рубах не напасемся. Надо его прикрыть кожаным доспехом. Или хотя бы латами.

На привале Асмер вытащил и разложил по траве нечто, похожее на украшенную металлическими бляшками конскую упряжь. Я не сразу узнал рубашку с короткими рукавами из толстой кожи.

– Против меча или топора не выстоит, – объяснил Бернард как придурку, – но скользящий удар или вон как сейчас тебе пузо когтями... это минует!

– Надевай, – подбодрил Рудольф.

Остальные молча наблюдали, как я неуклюже влез в эту сбрую, где добавочные ремни на поясе, двойные полосы кожи на плечах и спине, мелкие железные пластинки на груди. Наконец я одернул на себе эти кожаные латы или доспехи, повернулся перед Бернардом.

– Все правильно?

Он покачал головой. В глазах было удивление.

– Ну парень... Взглянуть бы на твоих родителей! Это же доспехи самого Гарлака!..

Я не знал никакого Гарлака, но Рудольф пояснил:

– Гарлак был здоровенным дядей. А его доспехи на тебе, как собственная кожа. Даже того... я бы еще добавил пару пальцев на плечи.

После обеда в пути я догнал Бернарда. Каменное лицо гиганта было совсем мрачным.

– Отродясь такого не было, – проворчал он. Я сперва не понял, к чему это, потом вспомнил причитания уцелевшей женщины. – Короток человеческий век, короток... А память еще короче. Было... Еще как было!

Я спросил осторожно:

– Даже на этих землях?

Бернард хмыкнул:

– А то как же!.. Но те, кто пришел первым, были сильны и отважны, а помыслами чисты. С легкостью побивали мразь, теснили нечисть и не успокоились, пока последняя не была посечена мечами и сожжена на чистом огне. С той поры здесь жили мирно и счастливо. Но, как видишь, люди обленились, начали забывать высокие истины, а слово Божье превратилось в пустой звук. Ты заметил, в каком виде у них церковь?

Я вспомнил серое обветшалое здание, мимо которого проехали, как будто это был заброшенный сарай. Крест на крыше обломан и почернел, будто в него ударила молния.

– А что церковь?

Бернард кивнул угрюмо.

– Вот и ты тоже... Ладно, Дик, оставляем тебя в следующей деревне. А то дальше за перевалом уже опасные земли. Совсем недавно там было так же мирно... но теперь всякие твари, которых раньше не было.

– А я при чем? – не понял я.

– А гибнут в первую очередь те, – пояснил Бернард почти зловеще, – кому наплевать на святую церковь! Кто не посещает обедни, кто забывает креститься, кто не знает молитв, кто смеется над святыми таинствами. А если и не гибнет...

Он внезапно умолк, перекрестился. Я некоторое время ехал молча, холодок страха шевелил волосы. Спросил осторожно:

– А что с теми?

– Лучше бы они погибли, – ответил Бернард коротко.

– А что с ними происходит? – допытывался я.

Бернард покачал головой.

– Не хочу об этом говорить. Понял?

– Понял, – ответил я покорно и начал придерживать коня. – Прости, что потревожил.

За спиной послышался конский топот. Асмер догнал, поинтересовался:

– А правда, что ты гарпию задавил голыми руками?

– А что было делать? – спросил я. – Меча не было, топора – тоже.

– Гм... не знаю, помог бы топор.

Я насторожился.

– А почему нет?

– Да знаешь ли... – Голос Асмера стал нерешительным. Он оглядел меня с головы до ног, заколебался, махнул рукой. – Словом, легче троих закованных в железо рыцарей сразить, чем одну такую крылатую гадость.

– Почему?

– Не знаю, но когда нападают, то руки и ноги делаются ватными. И в голове такой грохот, как будто камнедробилка заработала... Еле-еле поднимаешь щит, топор...

Я пожал плечами, камнедробилкой не удивить того, кто слушает хэви-метал.

– Не знаю. Я ничего такого не слышал. А эта тварь... она ж не больше бродячей собаки! Я знал людей, что даже кошек боятся, крыс, мышек, пауков... хотя легко могут растоптать, расплющить...

Асмер помолчал, сказал задумчиво:

– Может быть, ты гораздо больше прав, чем догадываешься.

Глава 7

На привале Асмер в ручье полоскал рубашку, Бернард пробурчал, что внизу по течению на милою вся рыба издохнет, а это ж божьи твари, грешно, священник оставил книгу и углубился в чашу. Но ушел недалеко, я увидел над зеленью кустов седые пряди с розовой плешью, потом вроде бы совсем рядом качнулось нечто серо-коричневое.

Два олени внимательно рассматривали священника. Он что-то говорил, помахивая обеими дланями, будто растирал по невидимой стене тесто. Подошел крохотный олененок, глаза большие, серьезные, с ходу попытался боднуть человека в колено безрогой головой, потом заслушался. Священник присел и, глядя ему в глаза, читал молитву, почесывал белое нежное горло. Взрослые олени смотрели без страха.

Я попятился, не люблю пугать зверей, у нас они и так запуганные, зато Бернард увидел, ахнул, заорал обрадованно:

– Патер, хватай за рога вон того, толстого!..

Совнарол даже не оглянулся, а олени вздрогнули от громкого голоса, отступили на шаг. Бернард ругнулся шепотом и громко сказал:

– Патер, мясо кончилось!.. У нас только хлебные лепешки и малость сыра. Господь не обеднеет...

Священник ответил, не повышая голоса:

– Изыди с такими речами!.. Не поддавайся искушению диавола!

Олени пугливо прыгали ушами, но не уходили, доверчиво тыкались бархатными мордами. Красиво вырезанные ноздри трепетали. Священник встал, чесал оленей за ушами, они жмурились, томно выгибали шеи. Бернард взглядом уже освежевал всех троих, разделал мясо и жарил на углях, потом вздохнул, уже смиреннее объяснил:

– Это не я, а мой желудок искушает. Мой собственный...

Асмер подмигнул невесело, взял лук и неслышно вдвинулся в зеленую чашу. «Священник, конечно, глуп, – мелькнуло в моей гудящей голове, – без мяса быстро теряем звериность, а без нее тут не выжить, так что проще зарезать хотя бы одного из этих оленей, а не гоняться по лесу... но в чем-то есть это странное превосходство, превосходство тупого и необразованного священника над умом и образованием». Только на миг мне показалось именно так, я отвернулся и ушел к костру, но засело чувство, что эта мелкая заноза ухитрилась поцарапать мою толстую кожу.

По словам Бернарда, мы двигаемся через королевство Эстия. И хотя эти земли заселили даже раньше, чем Галлиланд или Алемандрию, но страна, на мой взгляд, оставалась пустынной, безрадостной. Деревушки попадались редко, все крохотные, ни одного села, а городов так и вовсе не попадает, хотя несколько суток двигались по берегу полноводной реки с чистой водой и множеством рыбы.

Несколько раз видели проплывающие вдаль курганы. Один показался свежим, на нем еще сохранились ритуальные камни. С других либо скатились, либо их поглотила земля. Землепашцев почти не встретили, только стада мелких неопрятных овец, обязательно тощих. Их стерегли такие же тощие злые собаки под присмотром тощих пастухов. Пастухи смахивали на разбойников: в лохмотьях, с дубинками на поясах, угрюмо провожали злыми взглядами нашу повозку.

– Ничего, – сказал Бернард. – Ничего... Только бы добраться до наших земель!.. Богатая долина, плодородная земля... В реках тесно от рыбы, в лесах – от зверя, зерно пшеницы – с орех, а виноградную гроздь берешь двумя руками!.. У нас девушки как цветы, а цветы как девушки – голова кружится.

Асмер фыркнул:

– Про нечисть упомяни.

Бернард омрачился, мне стало жалко старого воина, за него ответил Рудольф:

– Погоним нечисть. Погоним. И воссияет солнце.

Лансерот оглянулся, я уловил взгляд холодных, ничего не выражающих глаз, затем он отвернулся, ехал молча. И уж совсем неожиданно прозвучал его отливающий металлом голос:

– Прогнать мало. Надо вступить на землю Тьмы с мечом в руке и именем Господа на устах!.. И отправить всех обратно в ад.

Рудольф и Асмер молчали, Бернард сказал мечтательно:

– Верно... Ведь за нашим Зорром дальше на север лежит прекрасная и плодородная долина... а за нею и вовсе земля... сейчас никем и ничем не занятая. Если изловчиться и поставить замок в одном хитром месте... там есть такой узкий проход в горном ущелье, то как надежный засов на воротах перекроет этот единственный вход! И ни одна армия не сумеет ни пройти, ни проползти. Представляешь, всего один замок! Можно даже простую деревянную крепость. Хотя там хватает камней, а деревянную и сжечь можно.

Рудольф хмыкнул:

– Да, самое время ставить. Самим бы устоять...

Все помрачнели, умолкли. И уже совсем к вечеру, как будто все время думал о дальних странах, Рудольф, приглушив голос почти до шепота, сказал мне:

– Лансерот... он ведь из Горланда.

Глаза его уставились на меня с изумлением. Потом вспомнил, что в Срединных Королевствах все тупые и ленивые, ничего не знают, пояснил с досадой:

– Это было самое могучее королевство!

– А где оно? – спросил я так же шепотом.

– На юге, – ответил Рудольф, – сразу за Скарландами.

Я взмолился:

– Рудольф, считай, что говоришь с полным придурком. Но я такой придурок, который учится быстро!

Он вздохнул.

– Скарланды уже захвачены силами Тьмы. Теперь король Карл, властелин Горланда, а теперь еще и Скарландов, осаждают наш Зорр... А вообще-то учись драться топором. У тебя широкие плечи и длинные руки. Родись ты не в Срединных Королевствах, а в моем Зорре, ты мог бы при удаче дослужиться до рыцарского пояса!

Я удивился было такой перемене, но тут мимо промчался Лансерот, услышал последние слова Рудольфа. Аристократическое лицо передернулось в отвращении, а нос брезгливо приподнялся. Рудольф с сочувствием посмотрел ему вслед, но разговаривать больше не стал.

На другой день с вершины пологого холма открылась не долина, а видение рая. Крохотные домики с красными черепичными крышами, с обеих сторон зеленые поля, густые сады, заливные луга, извилистая неглубокая речка, явно полна рыбой, близок лес с грибами и ягодами, березовым соком, малинником... Справа огромные тучные стада коров, от озера к домам дорога покрыта как снегом, это поземка мерцает и движется к селу. Я не сразу понял, что это возвращается на ночевку исполинская стая гусей.

– Благослови, Господи, – сказал Бернард, – это мирное село. К счастью, мародеры прошли мимо.

Лансерот кивнул.

– Хорошее село. В этих краях и оставим Дика-простолюдина.

– В этих, – подтвердил Бернард.

Деревушки попадались часто, под вечер мы завидели стены очень богатого села, почти города. Да, город, раз уж огорожен стеной. Пусть деревянным частоколом, но это в самом деле забор, ограда. И даже ворота на въезде, правда – створки вросли в землю, ибо телеги постоянно двигаются в город и из города, заморишься открывать-закрывать, а о нечисти тут как будто не слыхали.

Лансерот предупредил, что это последний город, где смогли бы переночевать в гостинице, если бы возжелали. Даже здесь опасно, люди Тьмы могут отыскать и здесь, а в многолюдье проще пропустить лезвие ножа под ребро или получить отравленное вино в харчевне. «Понятно», – подумал я невесело. С приближением к землям, что заняла Тьма, мы вообще начинаем тени своей страшиться. Уже и так ночуем только в глубоком лесу, выставив все дозоры... При такой жизни как отыскать людей, которые могут знать, как я сюда ухнул и как бы желательно обратно?

Лансерот сразу велел хозяину показать нам комнату, где будем спать, я даже удивился, будет ли принцесса с нами в одной комнате, но для нее отыскалась смежная, где, по иронии, обычно располагается слуга, готовый прийти по первому же окрику благородного господина. Мы, благородные и не очень, расположились в большой комнате. В ней кроме стола хватало широких лавок. Они же топчаны для спанья.

Асмер сразу предупредил, что ляжет под дверью и, если кто нечаянно наступит, пусть не жалуется, что остался без головы и обречен на веки вечные пугать по ночам старушек и золотушных детей.

Пока мы обедали, от столов на нас посматривали с пугливым любопытством. Люди мне снова показались чересчур мелковатыми, какими, впрочем, они и были. Одеты не бедно, хотя это простой люд, пьют старое крепкое вино, какое у нас подают в самых дорогих ресторанах, и едят такое жаркое, что и президенту на стол вполне бы, вполне...

Под столами пустые кувшины, гуляки расплачиваются с великолепной небрежностью людей, у которых золота и серебра все равно уходит меньше, чем приходит, девать в этом миреке некуда, а все необходимые запасы «на черный день» уже сделаны.

После обеда мы поднялись в отведенную для нас просторную комнату. Рудольф и Асмер принялись чинить одежду, Лансерот подошел к окну, проверил ставни. Бернارد сидел на лавке, откинувшись спиной на стол и забросив на него огромные локти.

– Заметили, – сказал он с горькой насмешкой, – как смотрели на всех нас? В Срединных Королевствах народ привычно считает, что все живут только здесь. Всегда жили и теперь живут. Ну а часть народа, которому свербит в месте пониже спины, медленно продвигается в необитаемые земли... Так?

– Так, – подтвердил Рудольф. – Идиоты.

– Эх... – сказал Бернارد. Он коротко взглянул в мою сторону, мне показалось, что обращается ко мне. – Если бы все так! На самом деле те земли очень даже обитаемы. Чересчур обитаемы. Да вот только, гм, теперь уже не людьми. Или не совсем людьми. Или очень не такими людьми, если они и люди. Что, Дик, не понял? Я сам не понимаю, но так говорят. Никто не знает даже, есть ли там горы, леса или реки... Просто всякий, кто уходит туда, с войском или в одиночку, больше не возвращается. Удается узнать только о землях, что на рубеже с землями Тьмы. Там руины городов и замков, где белеют человеческие кости, а сами замки медленно превращаются в пыль... А дальше – Тьма. Не в смысле, что там темно...

– Понимаю, – ответил я и судорожно вздохнул. – Понимаю.

Бернارد скривился, что может понимать срединник.

– Первыми пали сильнейшие, – сказал он горько. – Гиксия, Горланд... Именно они стояли на границе с Тьмой. Потом пали Скарланды. И получилось, что теперь только мы да еще Мордант на пути Тьмы. К счастью, силы Тьмы пока что грабят доставшиеся земли, а к сте-

нам наших городов подошли только мелкие отряды всяких тварей. Вернее бы сказать, даже не отряды, а стаи.

– А почему же королевства не объединились? – спросил я с жаром.

Бернард посмотрел как на помешанного.

– С чего бы? Когда все началось, это были мелкие нападения, как, к примеру, стаи волков на крестьянский скот. Какой рыцарь обратит внимание?.. Королевства уже окрепли настолько, что соперничали друг с другом. И когда на Горланд напали, то Гиксия и Скарланды только радовались, что соперник будет ослаблен... ведь в победе могучего Горланда над силами откуда-то взявшейся нечисти никто не сомневался. А когда Горланд пал, то решили, что по дурости: король пьян, полководцы – дураки, воины – трусливые бабы... Когда осадили Скарланды, скарландцы даже не подумали послать за помощью к нам, Морданту или в Ирам, это наш сосед слева. А Ирам, узнав о неприятностях Скарландов, свои войска разослал по их землям, прихватывая то одну деревушку, то другую... Словом, когда нечисть подошла к самому Ираму, там не было даже войска! Все разбрелись по землям Скарландов, грабили. Вот так и получилось, что только мы...

Я сказал тихонько:

– И Мордант?

Лицо Бернарда потемнело.

– В другой раз я расскажу тебе, что такое Мордант. Пока скажу только, что я лучше открою ворота нечисти, чем Морданту!

Я поднялся.

– Пойду посмотрю на город.

Все разом насторожились, Бернард спросил быстро:

– Зачем?

– Просто так, – объяснил я. Подумал, что для них, людей дела, все поступки должны быть простыми и объяснимыми, пояснил: – Спрошу, что слышно о напасти... И слышно ли вообще. Посмотрю, что можно купить на дорогу.

Переглянулись, я чувствовал напряжение. Ланзерот, не оборачиваясь, обронил холодно:

– Пусть идет.

Бернард кивнул.

– Ладно, иди. Только далеко не отходи от постоянного двора. Хоть здесь и мирное село, но случится может всякое.

Асмер опустил на лавку разорванный кафтан, зевнул, сказал сонно:

– Пойду загляну, как устроили коней. Да там, наверное, и засну. Так будет надежнее.

Бернард кивнул, Асмер вышел за мной, но во дворе с крыльца сразу отправился в сторону приземистого длинного здания, откуда пахло конскими каштанами, потом и свежим сеном.

За воротами постоянного двора я заколебался, как пламя свечи на ветру. В дороге чувствовал рядом надежные щиты и топоры Бернарда, Рудольфа, охранительное влияние принцессы. Но если взглянуть с другой стороны, я чувствовал бы себя куда более жалким, попади не в прошлое, а в будущее, пусть самое близкое! Здесь же привычное Средневековье. По замкам и по средневековым городам я ходил еще в раннем детстве с Айвенго и Робин Гудом, а потом во всевозможных компьютерных квестах, RPG, real-time strategy, TBS, экшенах и пазлах – им несть числа – и чувствовал себя почти так же уверенно, как москвич, приехавший в командировку в захолустное село. Конечно, москвичей нигде не любят, морду набьют в охотку, но это другой вопрос, все равно чувство превосходства вот оно, можно пощупать...

Порассматривал огромный массивный собор в самом центре этого города, который ревнивый Бернард упрямо называет селом, признавая статус города только за своим Зорром. Центр города, его сердце, а может быть, даже и мозг, ибо в Средневековье именно в мона-

стырях сосредотачивались грамотные люди, там начиналась алхимия, генетика, там появились коперники, бруны, галилеи и всякие паскали и декарты.

Правда, это не монастырь, те всегда отдельно и в сторонке от города, а это церковь, костел... словом, храм малопонятной мне религии, именуемой христианством. Она смела все местные религии и веры, заменив их универсальной, общей для всех, имперской, в которой служение и покорность доведены до абсолюта, а достоинство и гордость объявлены смертными грехами. Хотя, с моей точки зрения, наибольшую гордыню проявил как раз Христос. Именно он взялся искупить грехи всего рода людского всего лишь своей кровью и жизнью, оценив ее равной жизни всего человечества. Я бы назвал такую гордыню даже наглостью! Нет, даже не наглостью, а вообще черт знает чем... И слова такого не придумать, чтобы обозвать правильно.

Малорослый и мелкокостный народ обтекал меня на пути к храму, как вода валун. Я смотрел поверх голов, перехватывал любопытные и пугливые взгляды. Так на улицах моих городов привлекает взгляды баскетболист сборной страны. Народ упитанный, краснощекий, хоть и с плохими зубами, злоупотребляют сладостями, а щетки пока созданы лишь для чистки коней...

Взгляд мой невольно зацепился за рослого человека в сером плаще, что показался в дальнем переулке и тут же исчез. По спине прошел холодок, дальше я двигался вроде бы так же расслабленно, но глазами сек во все стороны.

Уже когда подходил к воротам собора, нагнулся и поправил кожаный ремешок на башмаке. Шагах в двадцати сзади человек тут же быстро ступил в сторону и словно растворился в простенке. Сердце мое пугливо стучало, кровь бросилась в голову. За мной явно следят. Кто? Такие рослые люди только в нашем отряде. Асмер, Рудольф? Бернارد? Ланзерот не пойдет, он слишком благороден для такого низкого занятия. Нет, не потому, что слишком благороден, а потому что есть кого послать... Принцесса отпадает, священник тоже... Впрочем, священник тоже далеко не карлик...

От костела веяло мрачной торжественностью. За воротами тихо, я прислушался, толкнул тяжелую створку. Эта деревянная стена с металлическими полосами крест-накрест ушла в сторону, зал огромный, суровый, с двумя рядами деревянных лавок со спинками. Посреди проход для троих человек, а там далеко, под противоположной стеной, аналой или алтарь, не знаю, как уж там все это зовется.

На той стороне зала отдельно стоящие массивные сооружения, похожие на телефоны-автоматы для миллионеров, – просторные, наглухо закрытые дубовыми стенами, как «мерс» закрывается тонированными стеклами.

Дверь открылась, немолодой мужчина в строгой черной сутане смотрел вопросительно. Тут же выражение лица смягчилось, он сказал негромким голосом:

- Входи, сын мой. Я вижу на челе твоём смятение. Это хорошо...
- Смятение? – переспросил я. – Что же в нем хорошего?
- Твоя душа неспокойна...
- Разве покой не важнее? – спросил я.

Он подошел вплотную, светлые глаза прошли по моему лицу. Попы должны быть хорошими физиономистами, как и уличные гадалышки, а этот явно был не последним в их ряду.

– Полный покой только в мертвой душе, – сообщил он. – Смятенная душа всегда ищет пути к Свету... Иной раз эти пути крайне причудливы и извилисты... Что за тревога на твоём челе, сын мой? Почему за твоими плечами я вижу нечто... напоминающее мне тьму?

– Мне тревожно, – сказал я. Станные слова из детства выплыли из памяти, я произнес их вслух: –... и душа моя творимым злом уязвлена стала.

- Уязвлена?.. Ты зрел пожары, погубленные посевы, трупы на дорогах?

– Да, – ответил я. – Это... и не только. Это только то, что видим. Я... очень издалека!.. И для меня все это... очень внове.

Он посмотрел сочувствующе, в серых глазах были теплота и участие.

– Да, люди привыкли видеть только следствие, а не причины... Мир настолько был захвачен Злом, настолько им пропитан, Зло настолько укрепилось и укоренилось... что Господу пришлось прислать своего сына, отдать на заклятие... принести в жертву!.. И вот только с того дня началось наступление... но ты должен понимать, что когда Зло властвовало тысячи и тысячи лет, то очистить мир за один день никому не под силу. Даже сыну Божьему! Ты должен понимать и укрепиться сердцем, что Он только указал путь, как жить и бороться в мире, где Зло разрослось, укрепилось, пустило корни, а действовать нам самим... Ведь Зло не просто строило города, оно меняло души людские, оно создавало даже государства именно для Зла!.. Мы теперь знаем, что на землях, где господствовало Зло, тоже велись жестокие войны: одни короли подчиняли других, истребляли целые народы, а могучие колдуны приносили в жертву по сто тысяч человек... Было и такое, что одни колдуны опускали в море цветущие острова с богатыми городами, а другие, напротив, со дна океанов поднимали горные хребты, где на вершинах бились, умирая, дивные морские чудища...

– Ого, – вырвалось у меня невольно, – это же какая мощь...

– Нам, – сказал он устало, – людям Слова Божьего, неслыханно повезло, что Зло, ощутив полную власть над миром, предавалось безделью и лишь изощрялось в еще больших гнусностях, пытках, изуверствах, сталкивало в кровавых битвах могучие королевства, а само наслаждалось видом тысяч и тысяч трупов, которые расклевывают вороны и грызут волки...

Я кивнул, понимал, что, с другой стороны, пока христианство было слабенькое, оно само сопело себе в тряпочку, росло, крепло и ни с кем не задиралось, а когда его стали принимать уже и короли со своими подданными, Тьма еще долгое время пренебрегала жалким противником. Так что воины креста захватывали земли, создавали уже христианские королевства со своим укладом, моралью, религией, устоями.

– Сейчас подошли к их главным землям? – спросил я.

– Нет, – ответил священник. – Это наши предшественники, похоже, приблизились к их главным цитаделям Зла чересчур близко. И вот сейчас перешла в наступление уже сама Тьма. Надо признаться, мы оказались не готовы... Жизнь человеческая коротка, а память не намного длиннее: все почему-то были уверены, что вот так будем теснить и дальше, пока не искореним язычество, пока весь мир не станет христианским. Но там, судя по всему, богатые земли, где Зло укоренилось, укоренилось... И куда еще ни один из наших людей не смог проникнуть.

Он вздохнул, лицо было смертельно усталое. Жестом пригласив меня сесть, опустился на широкую лавку. Я сел, толстая дубовая доска успокаивающе тронула кончики пальцев: мы здесь, сюда никакое зло не войдет.

– Но почему? – спросил я настойчиво. – Ведь начиналось так здорово, победно, обещающе? А потом...

Священник сказал упавшим голосом:

– Наши богословы, при всех своих склоках, переходящих в драки и обратно, все же сходятся в одной печальной истине... Господь Бог, создав мир, отстранился от дел. Дальше всю работу вел его самый блистательный ангел, лучший ученик, даже имя его было Люцифер – блистающий, Утренняя звезда. Да-да, он же Сатана, Дьявол, Вельзевул и тысячи других имен. Дело в том, что Господь наш – творец, а Люцифер – мастер. Если хочешь, то они – Творец и Мастер. Разницу улавливаешь?

Я буркнул:

– Первый – это вдохновение, озарение, второй... доведенное до совершенства умение. Вы продолжайте, святой отец.

– Так вот, Господь отошел от дел, а Сатана – нет. Это и удручает наших воинов, ибо Зло активно, оно захватывает все новые земли, оно уже призвало всю нечисть, с ним подземные силы, подводные и водные, с ним черная магия, а у нас... Ты должен это понимать, но укрепиться верой в сердце... Верой в нашу правоту.

Он удрученно умолк. Вид у него был настолько подавленный, что я сказал, только бы его утешить:

– А мне это как-то... Наверно, я пришел из такого... гм... села, что мы посчитали бы себя оскорбленными, если бы Господь Бог нам вытирал нос. Впрочем, и Сатане мы бы не позволили. Словом, если Господь Бог не вмешивается, то это значит, что он полностью полагается на своих... свои создания. Ведь создавал мир в момент вдохновения, а это выше любого мастерства! Мне как-то больше нравится, что меня не ведут за ручку.

Я еще не договорил, когда ощутил, что говорю искренне. Ни царь, ни бог и ни герой, как поется в какой-то старой доброй песне, добьемся мы освобождения своею собственной рукой... И со злом будем бороться сами, не оглядываясь на гувернера за спиной.

Священник смотрел с изумлением.

– Откуда ты? – спросил он тревожно. – От твоих слов веет холодом. Гордыня, страшная гордыня!

– Пусть гордыня, – согласился я, – но и гордыню тоже создал Творец.

– Да, но счел смертным грехом для чад своих...

– Для чад, – согласился я, – но когда чады становятся взрослыми...

– Несчастный! – воскликнул он. Отшатнулся, пугливо перекрестился, перекрестил меня. – Пади на колени и моли Господа за такую ересь!

Я молча повернулся и пошел к выходу. Священник торопливо читал требник. На пороге я обернулся, захотелось оставить за собой последнее слово:

– Так вы, святой отец, совсем не гордитесь, что вы – создание Божье?

Священник смотрел на меня с отчаянием. Я уже открывал дверь, когда он вскочил и, быстро-быстро семеня старческими ногами, устремился ко мне. Лицо его покраснело от усилий, он задыхался, сказал торопливо:

– Не знаю, поможет ли... Но, прошу тебя...

Меня передернуло, когда он расстегнул ворот. Шея дряблая и худая, как у помиравшего от старости гуся, такие же дряблые пальцы с подагрическими суставами ухватились за тонкую серебряную цепочку с крохотным серебряным крестиком на груди.

– Возьми... Это... может пригодиться...

Я интеллигент, отказывать как-то вот так прямо в глаза не могу, я даже могу что-то пообещать, а потом, естественно, найду тысячу убедительных доводов, почему так не надо делать.

«Выброшу, – подумал я. – Выйду за ворота и выброшу».

Но молча наклонил голову. Священник надел мне цепочку, голова и шея у меня оказались еще те, едва налезла, чуть уши не оборвал, священник заморился так, что мне стало жаль старого несчастного человека, погрязшего в суевериях.

– Спасибо, – сказал я. – Э-э... я оценил жест. Спасибо.

Глава 8

Постояв перед собором, но не с моим умением замечать слежку, отмечаться перед витринами не умею, да и где здесь витрины, я двинулся в соседний квартал. Кроме церковного собора где-то в центре обязано быть нечто подобное Ленинке. Ну, пусть не Ленинке или даже Некрасовке, но библиотеки существовали во все времена, а здесь, в европейской части, где даже короли не умели читать и писать, монахи сразу создавали собственные книгохранилища. Сперва из подручного материала, изучая врага изнутри, а потом уже начали записывать свои видения, откровения, поучения, искушения и прочие примеры духовных подвигов с местными дьяволами.

Издали донеслись крики. Я повертел головой, привстал на цыпочках. С моим ростом видно поверх забора, как по параллельной улочке мчится оборванный человек, а за ним толпа разъяренных мужиков. У кого в руках дубины, у кого камни, а у двоих я заметил настоящие боевые палицы.

Беглец свернул, промчался по переулку. Он мчался прямо на меня, я увидел перекошенное страхом потное лицо, раздутые в беге ноздри и раскрытый рот. По фигу все погони на белом свете, я отступил в сторону, улица узкая, пусть бежит свободно. Беглец от неожиданности даже зашптыкался, я, по его логике, должен вообще перегородить дорогу, а то и шарахнуть по голове рукоятью топора, если не обухом... а то и острием, но я отступил в сторону еще и еще, вообще прижался к стене здания, за топор не хватался, и бегущий пробежал как затравленный заяц, готовый упасть и проскользнуть у меня под ногами.

Спустя мгновение из-за поворота выбежала галдящая толпа, похожая на многоногое и многорукое вопящее чудовище. Над головами мелькают палки, дубины, сжатые кулаки. Я поморщился, шагнул на середину улицы и взял в обе руки топор.

– Стоять! – Голос мой прозвучал уверенно, я старательно подражал Лансероту. – Что за самосуд?

Толпа готова была, казалось, смять меня на бегу, но я вскинул топор, поиграл лезвием, бросая солнечные зайчики им в глаза, и показал всем видом, что снесу голову всякому, кто осмелится подойти первым. Мужики галдели зло и растерянно, кое-кто попытался протиснуться сзади. Я ударил, не глядя, угодил обухом, руку трянуло, донесся треск и болезненный стон.

– Доблестный рыцарь! – крикнул один рассерженно. – Ты не здешний, чего лезешь?

– Нельзя вот так, – возразил я.

– А как можно? – заорали со всех сторон. – Как можно? Как этот Шершень – можно?

– Кто такой Шершень? – осведомился я надменно.

Мужики закричали наперебой:

– Он обокрал лавку Колуна!

– Он зарезал вдову Гамбуса и ее двух малых детей!

– Он страшится сильных, а грабит самых сирых и беззащитных!

– Он обесчестил дочь судьи прямо в его саду, а потом вошел в дом, вынес дорогие вещи и зарезал старую мать судьи!

– Он...

– А еще...

Я поворачивался во все стороны. Краска прилила сперва к щекам, потом запыхали уши. Они галдели, потрясали кулаками. Самые нетерпеливые уже проскользнули мимо, как только уверились, что больше топором махать не стану. За ними последовали и другие. Только один остановился передо мной, укоризненно покачал головой, еще кто-то плюнул мне под ноги.

Я сгорбился, уже не до прогулок, спрятал топор, стараясь сделать его как можно незаметнее, потащился обратно к постоялому двору.

– Эй, друг! – слышался возглас.

Меня догонял невысокий мужчина, черноволосый, с красивым ястребиным носом, черной аккуратной бородкой, что выглядела как небритость двухнедельной давности, глаза живые, острые, с чувством юмора.

– Да, – ответил я убито, – слушаю.

– Не убивайся, – сказал мужчина неожиданно мягко. – Не убивайся, говорю!.. Эй, Гасан, у тебя есть еще хороший эль? Принеси кувшин и две чашки. Чистые!

Я дал увлечь себя под полотняный навес за стол. Неприметного вида хозяин поставил на середину стола кувшин и две чашки, исчез. Чернобородый повторил мягко, настойчиво:

– Не терзайся. Садись, садись поудобнее! Твое побуждение было благородным. Твое сердце велело тебе прийти на помощь обиженному, вот ты и пришел... Это нормально для ребенка. Не обижайся, все мы в этом мире дети. Взрослеем очень медленно... И не все одновременно. Ты видел, как растет щенок?.. То голова, то ноги, то уши... Есть даже две стадии: «скамеечка» и «табуреточка», когда щенок растет либо только в длину и похож на скамеечку с короткими ножками, то тянется вверх в короткую табуреточку с длинными ногами. К тому же еще сердце чаще всего отстает в росте, не успевает... А про мозги уж молчу. Десятимесячный щенок ростом уже со взрослую собаку! Но какой дурак, верно? Так и мы, люди. Я не про отдельных людей, это понятно, а про человечество. В одних королевствах живут брюхом, в других – сердцем, в-третьих... хотел бы сказать – умом, но таких пока нет. Есть только королевства, где людей, поступающих по уму, гораздо больше. Не знаю, что тому причиной, но в ряде королевств даже короли руководствуются умом, а не детским тщеславием, обидами, гордостью, жадностью...

Пока он говорил, быстро, живо и очень убедительно, я потягивал этот эль, который показался чересчур крепким. Эль, как я считал, это доморощенное пиво, а этот напиток больше смахивает на дорогое вино. Когда собеседник умолк и сам припал к кружке с вином, я спросил тоскливо:

– Это где же такие королевства?

Он осушил чашку один духом, налил вторую, эту смаковал медленно, осторожными глотками. Отвечать не торопился, но я молчал, смотрел с ожиданием, и он сказал с прежней мягкой улыбкой:

– Ты поступил по велению сердца. Это лучше, чем по велению брюха, но все же лучше бы по уму...

Улыбка его была извиняющаяся, вроде бы предложил мне не то глупость, не то что-то совсем уж непонятное. Я буркнул:

– А как по уму? Задержать и тащить в суд? Так задержи я, тут же прямо растерзали бы. И ничего бы я не смог...

Он наклонил голову.

– Ценю твои нравственные метания. Однако почему не решить, что этим местным жителям виднее, кто у них в городе вор, а кто законопослушен? И что они, при всех своих недостатках, могут все же точнее определить вину своего односельчанина, чем ты, чужак?

Я пробормотал:

– Могут быть отдельные ошибки следствия...

Он возразил, ничуть не удивившись такой терминологии:

– Могут, но это одна на сто тысяч!.. А так ты дал уйти неуловимому вору. Который попался лишь по случайности, а теперь натворит зла намного больше. Он убил, как я слышал, двадцать семь невинных горожан, в том числе их жен и детей, а ты его спас. А сколько убьет еще, мстя обидчикам? Что, останешься и будешь его ловить? Не останешься, у вас, как догады-

ваюсь, долгий путь, а задерживаться не в вашей власти. Дорогой юноша, начинай жить по уму. По сердцу – это детство. Милое, но все же... не умное. Начинай жить по уму.

Он отодвинул кружку, в темных живых глазах блеснули багровые искорки. Мне стало не по себе, но увидел такие же отблески на стене, понял, что хозяин за моей спиной зажег очаг. Чернобородый снисходительно улыбнулся, словно понял мой испуг. Поднялся он довольно неожиданно. Я подниматься не стал, отяжелел от вина, тело в приятной истоме, отдыхает, спросил:

– погоди, ты говорил, что есть королевства... где поступают по уму?

– Есть, – ответил он с улыбкой. – По крайней мере стараются поступать по уму. И чаще поступают все-таки по уму.

Он отступил еще на шаг. Только сейчас я заметил, что ночь уже наступила, тень скрыла моего собеседника почти целиком, в багровом свете близкого очага оставалось только его лицо, да на уровне груди колыхались во тьме белые кисти рук. Но багровые огоньки в глазах стали ярче.

– Что за королевства?

– Узнаешь, – ответил он. – Скоро.

Мрак поглотил его без всплеска, как болото проглатывает камень.

Какое это все-таки блаженство – рухнуть не на голую землю, не на ложе из еловых веток. Еловые ветки, голая земля – это для героев, а из меня какой рейнджер? Зато вот так завалиться на матрас, настоящий матрас, хоть и набитый сеном! Плюс – настоящая подушка, пусть даже жесткие перья продырявливают ткань и царапают щеку! Одеяло тоже настоящее, тряпчатое, а не дурно пахнущие и жесткие шкуры...

Я помылся в бочке с водой, вызвав молчаливое неодобрение таким странным ритуалом, растерся и скользнул под одеяло. Рудольф лег одетым, Бернард тоже снял только железный панцирь и кольчугу, Асмер вообще устроился где-то в коридоре, дабы перехватить гадов еще на полдороге.

Блаженное тепло начало изливаться из печени и сердца на периферию сразу же, едва я в наслаждении рухнул на матрас. Перед глазами проступили картинки, еще я чувствовал, что лежу на мягком, пахнущем сеном, но другая моя часть отделилась, вознеслась в восторге, ликования, радостном и необъяснимом.

Сердце стучало чаще, дыхание пошло горячее. Я оглядывал мир так, словно впервые увидел это звездное небо, этот зловеще прекрасный диск огромной мертвенной луны, этот черный иззубренный край леса, что таинственно и страшно впивается остриями деревьев в небосвод.

– Нет, – прошептал я, – такая красота не может принадлежать Силам Тьмы... Это создано... нет, не Тьмой, не Тьмой! Как и вся красота на свете, телесная или духовная... Как прекрасен этот мир...

Я чувствовал, как душа открывается навстречу этому странному небесному свету, что разлит и в ночи, и в этой тьме, что так же угодна Богу, как и свет солнца. С глазами от восторга произошло что-то странное: я чувствовал, что поднимаюсь над землей, хотя в то же самое время ощущал и хрустящее сено матраса под спиной и боком, и даже острый кончик перышка у щеки, однако восторг вздымал выше, я посмотрел вниз и увидел самого себя, с глупо вытаращенными от восторга глазами и распахнутым в глупой улыбке ртом.

Я счастливо засмеялся, взлетел выше, повернулся вокруг оси, счастливо ощутил, что это мне подвластно, что я или моя душа в состоянии летать, парить, взмывать на крыльях веры, преданности принцессе и этим, везущим кости Тертуллиана...

Я смеялся и летел над землей все быстрее и быстрее, наслаждаясь немыслимым полетом. Темный лес с освещенными серебряной луной вершинами казался темным морем, из этого

мрака торчали глыбы серебра, на полянах кружились искры. Я запоздало понял, что это и есть те эльфы, о которых как-то у костра рассказывал Бернард... но которых он сам не видел.

Хотел вернуться, посмотреть ближе, но впереди внезапно блеснуло. Я несясь быстрее любой птицы, быстрее дракона, о которых так любят рассказывать старики, и уже через пару мгновений различил быстро увеличивающийся в размерах мрачный замок из массивных глыб серого камня. Вблизи он уже не казался блестящим, хотя лунный свет высвечивал до основания: замок на вершине большого каменистого холма. Вокруг замка только камни, ни рва, ни вала...

Замок поворачивался, как игрушечный. Я рассмотрел башенки, мостики, переходы. Темные окна-бойницы смотрели мрачными провалами, только в двух окнах горит свет. Я подлетел ближе, в теле необычная легкость, ни страха, ни удивления, что бывает только во сне, когда ничему не удивляешься, ощущаешь только тихую светлую радость безгрешной души.

Через окно виден только краешек освещенного свечами помещения, ничего ужасного, но бестелесное тело пронизал странный холод. Подсвечники на столе и на стенах массивные, из старой меди, свечи толстые, почему-то черные, на столе два человеческих черепа, в глазницах одного глумливо горят свечи.

За столом мужчина, а второй, стоя спиной к окну, размещивает в широком тигле угли. Я уже почти полюбил запах костра, но сейчас такой же аромат горящих углей казался зловещим, от них исходит смрад, пахнет горящей смолой, серой...

Холод пронизывал все сильнее. «Тело тяжелеет, – мелькнула тревожная мысль, – надо убираться прочь. Если упаду, разобьюсь насмерть... а если даже не разобьюсь, утром Бернард все равно найдет на постоялом дворе бездыханное тело».

Человек за столом как будто ощутил присутствие. Я содрогнулся, когда тот поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

– Так, – сказал он бесстрастно, – ты уже здесь... Улаф, взгляни на гостя.

Второй обернулся. Я содрогнулся всем невесомым телом. Вместо лица у второго безобразная звериная морда, густо заросшая черной шерстью. Маленькие глаза горят багровым, как угли догорающего костра. Пасть распахнулась, я услышал короткий рев.

Человек за столом кивнул.

– Ты прав, – сказал он со зловещим удовлетворением. – Это и есть тот, кто убил моего верного вассала... а твоего брата. Взгляни на него внимательнее! Ты должен найти его и убить.

Человек со звериной мордой рванулся к окну. Я инстинктивно отпрянул и повис в воздухе в двух шагах от стены. Зверочеловек проревел люто, слюна потекла от бешенства. А громадные зубы лязгали в судороге:

– Ты... я убью... Я убью!

Я с трудом заставил свои помертвевшие губы шевелиться.

– Твой брат был не прав... Он всего лишь понес заслуженную кару.

– Я убью! – проревел Улаф.

– Человек предполагает, – сказал я, – а Господь располагает.

Я сделал усилие осенить себя крестным знамением, здесь это действует как чашка крепкого кофе, освежает и отрезвляет, но рука не слушалась. Человек за столом поднялся, вперил указательный палец и что-то выкрикнул. Я ощутил, как все тело отяжелело, стена перед лицом заскользила вверх все быстрее и быстрее. Ветер ударил снизу, в голове полыхнула паническая мысль, что тело обрело подлинный вес, я теперь разобьюсь о камни внизу.

– Господи! – воззвал я мысленно. – Если в этом мире ты еще есть... Душу свою тебе вверяю!.. А тело... это всего лишь плоть... Не покинь меня в мой последний миг.

Наяву я никогда бы не сказал таких слов, но сейчас они выплеснулись прямо из моего сердца. Подошвы с силой ударились о твердое. Я завалился на бок, перекатился. В замке, который теперь нависал надо мной, как огромная скала, заслоняющая полмира, раздались громкие

голоса. Со скрипом начали открываться двери. Блеснули наконечники копий, влажный блеск на металлических шлемах.

В панике я подпрыгнул, страстно желая снова взвиться в воздух... и тело послушно пошло вверх. Сперва медленно, будто воздушный пузырек продавливался сквозь густое молоко, а потом все быстрее и быстрее.

Из окна высунулись две головы, на человеческой и звериной я разглядел сильнейшее разочарование, неистовую злобу. Вдогонку неся злобный вой Улафа, но навстречу летели звезды, простые и хвостатые, внизу замелькал лес, далеко справа на горизонте проплыли горные пики, а потом я усмотрел город, постоянный двор, знакомый колодец во дворе...

Я замедлил полет уже у самой земли, сжался в ком, неприятное ощущение, когда проходишь сквозь стену, пусть даже дощатую, неслышно опустился в комнате, вошел в свое тело из мяса и костей. Бернард заворочался, что-то пробурчал во сне.

Я притворился спящим, хотя сна уже ни в одном глазу. Бернард привстал, со стороны окрашенного рассветом окна на плечи пал слабый луч, потом я ощутил на себе пристальный взгляд старого воина. Я затаил дыхание, потому что Бернард подошел вплотную и навис над моим телом. Из-под опущенных ресниц я видел, как к моему горлу потянулись огромные ладони. Я зажмурился поплотнее, затаил дыхание.

Что-то накрыло сверху, а когда я осмелился приоткрыть один глаз, меня до самого подбородка укрывало толстое одеяло. Бернард уже сидел на лавке, смотрел на плотно закрытую и подпертую поленом дверь. Брови сдвинуты на переносице, красная заря страшно и зловеще подсвечивает крупное лицо.

Я продолжал притворяться спящим, пока блаженное тепло не разошлось по всему телу, я снова летал, перепрыгивал с одной плоской крыши дома на другую, избегая запутаться в антеннах и проводах... а потом грубая рука сорвала одеяло.

Я распахнул глаза. Солнце уже приподнялось над краем леса. Бернард выглядел сердитым.

– Вставай! Сколько можно спать? Рудольф, дай парню пару монет на дорогу и обустройство. И малость из новой одежды.

Я выставил перед собой ладони.

– Не нужно! Ничего не нужно. Неужели я со своими руками не найду себе работы?.. Лучше скажите, кто такой Улаф?

Руки Бернарда замерли над головой. Он медленно повернулся, влез все-таки в широкую перевязь с топором, острые глаза впились, как пущенные сильной рукой стрелы.

– Какой Улаф? – потребовал он резко. – О ком ты говоришь?

– Просто Улаф, – пробормотал я, голос Бернарда показался чересчур злым. – Морда у него только не очень-то человеческая. Можно даже сказать, звериная.

Бернард обернулся, взгляд протыкал насквозь, как острия ножей лист чертополоха.

– Откуда знаешь про Улафа?

Я пробормотал:

– Снился...

– Снился? Разве может сниться то, чего не видел?

Асмер прислушался к разговору, вставил со знанием дела:

– Может. Только это зовется видениями.

Бернард не отрывал острого взгляда от моего лица.

– Видения посещают отшельников, – отрезал он. – Да еще всяких аскетов, что сидят без мяса, умерщвляют... А с твоей мордой да видения?

Асмер возразил мирно:

– Ты чего на парня кинулся? Когда меня снежная буря в горах с дороги сбила и я две недели скитался, не жавши, меня еще не такие видения посещали!

– Здесь нет бури, – отрезал Бернард. – А мы в походе.

Асмер посмотрел на Бернарда, на меня, хмыкнул, сказал весело:

– А вдруг он избранный, кто знает? И ему надо было в священники, а ты насильно то в воины, то в землепашцы? Вдруг его оружие – крест, а не плуг или меч?

Оба захохотали, довольные. Я представил себя в монашеской рясе и с Библией в руках. Губы поползли в стороны. Знали бы они, каким «почетом» пользуются попы в моем обществе!

Лансерот появился, сказал повелительно:

– Быстро всем завтракать, да поживее!

Асмер сказал живо:

– Я уже заказал, чтобы нам собрали и в дорогу.

В таверну спустились вместе, только принцесса отсутствует, ели быстро, впрок, Асмер проследил, чтобы три круга сыра и пять ковриг хлеба увязали в чистые холстины. Пока ели, в мою сторону посматривали с недоумением, почему я все еще здесь, но я опустил голову, жевал мясо быстро и сосредоточенно, как делают все, смотрел в тарелку, слышал фыркание коней во дворе. Они уедут, а я останусь в благополучной деревне? Пусть даже в этом городке? На всю оставшуюся жизнь... которая в Средневековье и так коротка? И потеряю шанс попасть в те странные королевства, где живут умом? Только там у меня есть шанс найти дорогу обратно в свой мир...

Потом все вышли во двор, принцесса разговаривала с женой хозяина, быки уже запряжены, Асмер проследил, чтобы припасы вынесли, а в повозку загрузил уже сам. Алые отблески рассвета, похожие на отсвет адского пламени, играли по лицу принцессы, но ее нежное лицо оставалось таким же чистым и светлым. Жена хозяина щебетала, раскланивалась, указывала в сторону колодца, принцесса слушала внимательно и вместе с тем рассеянno. Священник появился, как обычно, с раскрытой книгой в руках, не отрываясь от чтения. Строгое до фанатизма лицо время от времени вспыхивало неземным светом. Оставались последние минуты перед расставанием, мужчины уже пошли седлать коней.

Я осторожно приблизился к принцессе. Она повернула голову в мою сторону. Я увидел нежное лицо, чистые строгие глаза, тонко очерченные брови, и волна непривычной нежности ударила в грудь, заполнила, поднялась в мозг.

Колени мои подогнулись, глаза оказались на уровне ее глаз, не по возрасту строгих, вопрошающих.

– Госпожа, – сказал я и ощутил, что мой голос звучит страстно, с хрипыми нотками, слово в самом деле идет из самой глубины сердца, хотя сердце всего лишь мускулистая мышца для перекачивания крови. – Госпожа!.. Я старался послужить тебе... но мне просто не довелось, не выпало случая!.. И никогда не обращался с просьбами. Но вот теперь... теперь умоляю!

Краем сознания отметил, что говорю таким высоким штилем, каким уже не говорят мои современники. Высокие и сильные слова забыты, осмеяны, а все отделяются шуточками, но сейчас я говорил и чувствовал, что говорю именно я, тоже привыкший прятаться за щитом анекдотов и шуточек над всем и вся.

Она произнесла с холодноватым участием:

– Говори, Дик. Ты спас меня, благодарность никогда не уйдет из моего сердца.

Лансерот и Бернард, нахмурясь, наблюдали за этой сценой.

– Умоляю, – сказал я и ощутил, что говорю именно я, который никогда не произносил таких слов, чтобы «не уронить себя», – умоляю, позволь оставаться твоим слугой и дальше!.. Позволь ехать в твои края, чтобы служить тебе и там.

Принцесса покачала головой. Глаза ее стали печальными.

– Нет, Дик, – произнесла она тихо. – Ты даже не представляешь, насколько опасен наш мир. А в этих Срединных Землях люди счастливы! Они живут, не зная злобы, ненависти,

страха... Здесь тот мир, который будет и там, у нас, когда мы... если мы... победим. Если устоим перед натиском Тьмы.

Лансерот морщился. Похоже, он полагал, что нельзя такие слова говорить мужчине, даже простолюдину. Особенно – молодому. Да еще когда такое говорит молодая женщина.

– Ваша светлость, – вмешался он. – Оставьте это решение нам. Мы уж излечим этого... хорошего парня от его дури. Дик, помоги Асмеру запрячь волов!

Голос рыцаря, как я ощутил сразу, холодноват и недружелюбен, даже враждебен. Бернارد вовсе отвернулся и седлает своего вороного. Принцесса окинула меня ласковым взглядом, от которого сразу воспламенилось сердце, ушла в повозку.

Когда запрягали волов, Асмер сказал покровительственно:

– Дурень, в этих селах такие девушки... Я разглядел, у меня глаза самые острые.

– Как у орла? – пробормотал я.

– Дурень, орел передо мною – слепой крот. Так что я скажу тебе, оставайся, будешь как сыр в масле. Парней тут совсем маловато, да и те хлипкие... А ты вон какой удался!

Я ответил с неловкостью:

– Просто наш... край не голодал.

– Это заметно.

– Асмер, я не знаю, как объяснить... Я жил в самом деле не зная хлопот! И беспечно. Все так жили, и я жил. У нас все так живут. Все как все. Понимаешь? Да теперь и я не совсем понимаю. Но вы... вы по-другому. Я с вами две недели, но я живу и чувствую себя немножко по-другому. Может быть, сейчас я даже более правильный, чем тот, который жил в... моем благополучном крае.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.